

Ранние короли Норвегии

Томас Карлайл

Early Kings of Norway

Thomas Carlyle

Электронная книга проекта Гутенберга о ранних королях Норвегии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Титул: ранние короли Норвегии

Автор: Томас Карлайл

Дата выхода: 1 октября 1999 [Электронная книга № 1932]

Последнее обновление: 4 апреля 2013

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры: Рон Берки и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАННИЕ КОРОЛИ НОРВЕГИИ" ***

РАННИЕ КОРОЛИ НОРВЕГИИ.

Томас Карлайл

Примечание переписчика: Текст взят из 19-го тома "Стерлингского издания" полного собрания сочинений Карлайла. Все сноски собраны в качестве концевых. Символ фунта стерлингов (валюта) был заменен словом "фунты стерлингов".

Исландцы во время своей долгой зимы имели большую привычку писать; по словам Дальманна, у них был и остается превосходный почерк. Именно этому факту почти полностью обязана любая немногочисленная история о скандинавских королях и их древних трагедиях, преступлениях и героизме. Исландцы, по-видимому, не только выводили красивые буквы на своей бумаге или пергаменте, но были похвально наблюдательны и стремились к точности; и оставили нам такое собрание повествований (*саг*, буквально "Говорит"), которое по количеству и качеству не имеет аналогов среди грубых народов. История норвежских королей Снорро Стурлесона построена на этих старых Сагах; и в ней много поэтического огня, немало верной проницательности, примененной при просеивании и корректировке этих старых саг; и, одним словом, заслуживает того, чтобы, будь она когда-то хорошо отредактирована, снабжена точными картами, хронологическими сводками и т.д., быть причисленной к величайшим учебникам истории мира. Именно из этих источников, которым во многом помог точный, образованный и неутомимый Далманн, ¹ немецкий профессор, наспех собраны следующие черновые заметки о ранних королях Норвегии. В "Истории Англии" (за исключением Рапина) почти ничего не говорится о многочисленных и прочных нитях связи между английскими делами и скандинавией.

Содержание

ГЛАВА I. ХАРАЛЬД ХААРФАГР.

ГЛАВА II. ЭРИК КРОВАВЫЙ ТОПОР И БРАТЬЯ.

ГЛАВА III. ХАКОН ДОБРЫЙ.

ГЛАВА IV. ХАРАЛЬД ГРЕЙФЕЛЛ И БРАТЬЯ.

ГЛАВА V. ХАКОН ЯРЛ.

ГЛАВА VI. ОЛАФ ТРИГГВЕСОН.

ГЛАВА VII. ПРАВЛЕНИЕ ОЛАФА ТРЮГГВЕСОНА.

ГЛАВА VIII. ЯРЛЫ ЭРИК И СВЕЙН.

ГЛАВА IX. ДНИ ВИКИНГОВ КОРОЛЯ ОЛАФА ТОЛСТОСУМА.

ГЛАВА X. ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ОЛАФА СВЯТОГО.

ГЛАВА XI. МАГНУС ДОБРЫЙ И ДРУГИЕ.

ГЛАВА XII. ОЛАФ БЕЗМЯТЕЖНЫЙ, МАГНУС БОСОНОГИЙ И СИГУРД КРЕСТОНОСЕЦ.

ГЛАВА XIII. МАГНУС СЛЕПОЙ, ХАРАЛЬД ГИЛЛЕ И ВЗАИМНОЕ ВЫМИРАНИЕ ХААРФАГРОВ.

ГЛАВА XIV. СВЕРРИР И ЕГО ПОТОМКИ, ХАКОНУ СТАРОМУ.

ГЛАВА XV. ХАКОН СТАРЫЙ В ЛАРГСЕ.

ГЛАВА XVI. ЭПИЛОГ.

СНОСКИ:

ГЛАВА I. ХАРАЛЬД ХААРФАГР.

Примерно до 860 года от Рождества Христова в Норвегии не было королей, ничего, кроме многочисленных ярлов — по сути, королек, каждый из которых управлял чем-то вроде республиканской или парламентской небольшой территории; обычно каждый стремился быть на каких-то условиях человеческого соседства с окружающими, но, - несмотря на "*Fylke Things*" (Народные вещи, маленькие приходские парламенты) и небольшие комбинации из них, которые постепенно формировались сами по себе, — часто доходили до печального состояния ссоры с ними. Харальд Хаарфагр был первым, кто положил конец такому положению вещей и стал запоминающимся и приносящим пользу своей стране, объединив ее под одним началом и превратив в королевство, которым она остается до сих пор. Его отец, Хальфдан Черный, уже начал этот грубый, но благотворный процесс, вдохновленный алчностью и инстинктами, способностями и возможностями, которые добрый гений этого мира, достаточно часто проявляющий милосердие в диких формах и всегда старающийся уменьшить анархию как худшую дикость в мире, обычно назначает в таких случаях, — завоевание, тяжелая борьба под мудрым руководством побежденных; но именно Харальд Прекрасноволосый, его сын, блестяще продолжил и завершил его. Год рождения, смерти и хронология Харальда в целом известны только путем умозаключений и вычислений; но, по последним подсчетам, он умер примерно в 933 году нашей эры восьмидесяти трех лет.

Завоевательная деятельность Харальда длилась около двенадцати лет (860-872 гг. н.э.?), в течение которых он покорил также викингов внешних островов - Оркнейских, Шетландских, Гебридских и Мэна. Ему было дано еще шестьдесят лет, чтобы укрепить и упорядочить то, что он

завоевал, что он и сделал с большим здравомыслием, трудолюбием и успехом. Считается, что в общей сложности его правление длилось более семидесяти лет.

Начало его великого приключения носило романтический характер. — юношеская любовь к прекрасной Гайде, в то время славной и знаменитой молодой леди тех краев, на которой молодой Харальд мечтал жениться. Гайда ответила на его просьбу отстраненно и надменно: "Ей не подобало бы выходить замуж за какого-либо ярла или беднягу такого рода; пусть он поступит так, как поступили Горм Датский, Эрик Шведский, Эгберт Английский и другие, — подчинит миру и уладит смятенные, раздираемые спорами части ярлов вокруг себя и станет королем; тогда, возможно, она подумает о его предложении, а до тех пор - нет". Харальд был поражен этим гордым ответом, который сделал Гиду в десять раз более желанной для него. Он поклялся отрастить свои волосы, никогда не стричь и даже не расчесывать их, пока не совершит этот подвиг, а несравненная Гайда не станет его собственностью. Соответственно, он продолжал побеждать в жестоких битвах ярла или двух каждый год, и по прошествии двенадцати лет ему отрезали неухоженную (и почти невообразимую) шевелюру — ярл Рогнвальд (*Реджинальд*) из Мора, самый ценный из всех его подданных ярлов, был назначен на эту возвышенную должность парикмахера; - после чего конунг Харальд, с тщательно вымытой головой и волосами, отросшими или снова отрастающими до роскошной красоты, равной которой не было в его время, принес домой свою Гайду и сказал: сделал ее самой яркой королевой на всем севере. После нее у него было последовательно, а в некоторых случаях, возможно, даже одновременно, по меньшей мере шесть других жен; а от самой Гайды - одна дочь и четверо сыновей.

Харальда нельзя было назвать человеком строгого образа жизни, и у него было много проблем, как мы увидим, из-за бурных амбиций его сыновей; но он управлял своим правительством с помощью ярла Рогнвальда и других широко, спокойно и успешно; и в таком королевском виде оно просуществовало до его смерти, после шестидесяти лет правления.

Это были времена норвежской колонизации; гордые норвежцы устремлялись в другие страны, к более свободным местам — в Исландию, на Фарерские острова, которые до сих пор были совершенно пусты (их арендовал только какой-нибудь скорбный отшельник, ирландский христианский *факири* или что-то в этом роде); еще чаще - на Оркнейские и Шетландские острова, Гебриды и другие страны, где уже были норвежские скваттеры и поселенцы. Заселение Исландии, говорим мы; заселение Фарерских островов и, безусловно, самое знаменитое из всех, заселение Нормандии Рольфом Гангером (876 г. н.э.).²

Рольф, сын Рогнвальда,³ был лордом трех маленьких островков далеко на севере, недалеко от фьорда Фолден, называемых Тремя островами Вигтен; но главным средством его существования был морской разбой, который или, по крайней мере, поведение Рольфа в котором, Харальд не одобрял. При дворе Харальда морской разбой был строго запрещен как между собственными странами Харальда, так и в отличие от других стран, это оставалось единственной профессией для джентльмена; так, я читал, что старший сын Харальда, ставший впоследствии королем Эриком, занимался этим в море с двенадцати лет. Преступление Рольфа, однако, состояло в том, что, возвращаясь домой из одной из таких экспедиций, когда у его команды не хватало провизии, Рольф высадился с ними на берегу Норвегии, в своем проливе, пригнал туда немного скота (преступление по закону) и продолжил убивать и есть; за что вскоре он услышал, что король Харальд отправился пешком, чтобы разобраться и наказать; после чего

Рольф Бандит быстро снова сел на свои корабли, добрался до побережья Франции со своими морскими разбойниками, заразился от бедного короля Франции в Норвегии. плодородная, косматая пустыня, которая с тех пор называется Нормандией, землей норманнов; и там, постепенно вырубая леса, укрепляя берега рек, возделывая поля, в течение следующих двух столетий стал Вильгельм Конквестор, человек, известный Англии и знаменательный в наши дни не только для Англии, но и для всех носителей английского языка, который теперь поразительно распространился по всему миру. Танкред Отвильский и его итальянские норманны, хотя они тоже важны в Италии, не стоят того, чтобы их приводить в сравнение. Это жестокая земля, и горчичное зерно в некоторых случаях вырастает до чудесных размеров.

Главным помощником, советником и лейтенантом Харальда был вышеупомянутый ярл Рогнвальд из Мора, который имел честь подстричь ужасную шевелюру Харальда. Этот Рогнвальд был отцом Торф-Эйнара, который первым изобрел торф на Оркнейских островах, обнаружив, что вся древесина там исчезла; его помнят по сей день. Эйнар, прибывший на эти острова с разрешения короля Харальда, чтобы посмотреть, что он может на них сделать, — острова, населенные неизвестной нам смесью пиктов, скоттов и скандинавских скваттеров, — обнаружил, что все необходимое топливо потрачено впустую. Турф-Эйнара тоже можно считать благодетелем своего рода. Оказывается, он был незаконнорожденным; и отец с ним не нянчился, который его недолюбливал, отчасти, возможно, потому, что "он был уродлив и слепоглаз", — ему не льстили даже за завоевание Оркнейских островов и изобретение торфа. Вот прощальная речь, которую произнес ему отец, снаряжая его "длинным кораблем" (военный корабль, "корабль-дракон", древний семьдесят четвертый) и отправляя его зарабатывать себе на жизнь в этом мире: "Было бы лучше, если бы ты никогда не возвращался, ибо у меня мало надежды, что твой народ будет почтен тобой; родня твоей матери повсюду рабская".

У Харальда Харфагра было много сыновей и дочерей; дочерей он выдал замуж в основном за достойных ярлов, которые были ему верны; с сыновьями, как отмечалось выше, у него было много проблем. Они были честолюбивыми, энергичными ребятами и недовольны тем, что отец, столь добрый к своим ярлам, так мало продвинул их по службе; морской разбой ни в коем случае не был подходящей карьерой для сыновей великого короля, двое из них, Хальфдан Халег (Длинноногий) и Гудрод Льом (Блестящий), завидуя благосклонности великого ярла Рогнвальда, однажды ночью окружили его в его доме и сожгли там его и шестьдесят человек заживо. Таков был конец Рогнвальда, бесценного ярла, всегда верного Харфагру; он прославился в мировой истории тем, что произвел на свет Рольфа Гангера, автора книги "Нормандское завоевание Англии", и Торф-Эйнара, который изобрел торф на Оркнейских островах. Покинул ли Рольф Норвегию в это время, я не могу сказать по хронологии. Что касается фамилии Рольфа, "Гангер", существуют различные гипотезы; наиболее вероятной, пожалуй, является то, что Рольф был таким грузным человеком, что никакая лошадь (маленькие норвежские лошадки, скорее, крупные пони) не могла бы его нести, и что обычно он ходил пешком, при этом у него был могучий шаг и большая скорость пешком.

Один из этих убийц ярла Рогнвальда спокойно занял место Рогнвальда, другой отправился на Оркни, чтобы таким же образом послужить Торф-Эйнару. Захваченный врасплох, Торф-Эйнар бежал на материк; но вернулся через несколько дней или, возможно, недель, готовый к битве, сразился с Хальфданом, обратил его отряд в бегство, а на рассвете следующего утра прочесал остров и убил всех, кого нашел. Что касается самого Хафдана Длинноногого, то в память о своем собственном убитом отце Турф-Эйнар "вырезал орла у себя на спине", то есть вырезал ребра с

каждой стороны позвоночника и вывернул их наподобие крыльев распростертого орла: модный в то время способ норвежской мести в особо тяжких случаях!

Тем временем Харальд Харфагр появился на сцене Рогнвальда, не будучи в мягком настроении по отношению к тамошнему новому ярлу; с негодованием уволил упомянутого ярла и назначил брата Рогнвальда (brother, отмечает Дальманн), хотя у Рогнвальда остались другие сыновья. Покончив с этим, Хаарфагр со всей скоростью поплыл к Оркнейским островам, чтобы отомстить там за то, что Торф-Эйнар порезал орла на спине человека. Турф-Эйнар не сопротивлялся; покорно встретил разгневанного Хаарфагра, сказал, что оставляет все это, что было сделано, какие провокации там были, на усмотрение самого Хаарфагра и величия ума. Великодушный Хаарфагр наложил штраф в шестьдесят марок золотом, который был выплачен Турф-Эйнаром наличными, и на этом дело закончилось.

ГЛАВА II. ЭРИК КРОВАВЫЙ ТОПОР И БРАТЬЯ.

В результате таких жестоких действий сыновья Хаарфагра, я не знаю, сколько их было, безвременно скончались; у него остались только Эрик, опытный морской разбойник, и трое других. Один из этих четырех сыновей, весьма нетерпеливый к собственной собственности и власти, король Харальд в былые времена пытался разделить свое королевство каким-нибудь приемлемым и справедливым способом и отойти от постоянной рутины бизнеса, которая теперь становилась для него обременительной. Каждому из них он дал что-то вроде королевства: Эрику, своему старшему сыну, стать главным королем, а остальным подчиняться ему в качестве феодалов и выплачивать определенный ежегодный взнос; соглашение, которое совсем не подходило. Верховный король Эрик настоял на своей дани; возникли ссоры по поводу уплаты, значительные бои и беспорядки, в результате чего король Эрик нанес жестокие разрушения многим доблестным, но слишком упрямым норвежцам и, среди прочего, всем своим трем братьям, что принесло ему от норвежского населения фамилию *Блод-топор*, "Эрик Кровавый топор", его титул в истории. Одного из своих братьев он убил в битве до того, как скончался его старый отец; этим братом был Бьорн, миролюбивый, преуспевающий в торговле экономический недокороль, которого другие насмешливо называли "Бьорн Чапмен". Правнук этого Бьорна мало-помалу стал чрезвычайно известным как *святой* Олаф. Глава-У короля Эрика, похоже, тоже была жестокая жена. Считалось, что она отравила одного из своих зятьев. У Эрика Кровавого топора была отнюдь не легкая жизнь в этом мире, его с двенадцати лет обучали морскому разбою на побережьях Англии, Шотландии, Ирландии и Франции.

У старого короля Прекрасноволосого в возрасте семидесяти лет родился еще один сын, которому дали имя Хакон. Его мать была рабыней в доме Фэйрхейра; рабыней по несчастью на войне, хотя и достаточно благородного происхождения. Странное приключение связывает этого Хакона с Англией и королем Ательстаном, который в то время начинал там свою великую карьеру. Вскоре после того, как этот Хакон появился на свет, однажды вечером, когда

Светловолосая пировала, во дворец вошел английский посол или гонец, неся в руке в подарок от короля Ательстана великолепный меч с золотой рукоятью и другими прекрасными украшениями великому Харальду, королю Норвегии. Харальд восхищенно взял меч, вытащил его или уже наполовину вытащил из ножен, когда английское превосходительство разразилось презрительным смехом: "Ха-ха, ты теперь вассал моего английского короля; ты принял от него меч и теперь его человек!" (принятие меча таким образом было символом посвящения в те дни). Вероятно, Харальд выглядел слегка взволнованным, но сдержал свой гнев и не причинил никакого вреда хитрому англичанину. Однако он держал это в уме, и следующим летом, когда маленького Хакона отняли от груди — одно из самых красивых и здоровых маленьких созданий, — Харальд отослал его под присмотром "Хаука" (так звали Ястреба), одного из своих Главных воинов, с приказом "Отвезти его в Англию" и инструкциями, что с ним делать там. И соответственно, однажды вечером Хаук в сопровождении тридцати человек вошел в высокое жилище Ательстана (где расположено, как построено, из таких ли бревен, как у Харальда, я не могу точно сказать), предстал перед Этельстаном и молча посадил маленького дикого херувима на колени Этельстану. - Что это? - спросил Ательстан, глядя на маленького херувима. - Это сын короля Харальда, которого родила ему служанка, и которого он теперь отдает тебе на воспитание! Возмущенный Ательстан выхватил свой меч, как бы желая причинить вред подарку; но Хаук сказал: "Ты принял его на колени [общепринятый символ усыновления]; ты можешь убить его, если захочешь; но ты не убьешь таким образом всех сыновей Харальда". Этельстан сразу же стал мыслить мягче; воспитал и тщательно образовал Хакона; от которого и от этого необычного приключения вскоре пришли первые вести о христианстве в Норвегию.

Харальд Харфагр, в последнее время отошедший от всех видов бизнеса, умер в возрасте восьмидесяти трех лет - примерно в 933 году нашей эры, согласно подсчетам; он умер почти одновременно с первым датским королем, Гормом Старым, который совершил соответствующий подвиг, объединив Данию под одной властью. Замечательные старики, эти два первых короля; и обладали даром приближать Хаос к форме Космоса; обладали, фактически, верностью Космосу, то есть подлинными добродетелями в диком состоянии, такими, которые были необходимы во всех обществах при их зарождении в этом мире; своего рода "добродетели", которые в настоящее время сильно дискредитированы, но, вполне вероятно, понадобятся снова, к удивлению беспечных людей, прежде чем все будет сделано!

ГЛАВА III. ХАКОН ДОБРЫЙ.

Эрик Кровавый топор, чье практическое правление, как считается, началось примерно в 930 году н.э., к этому времени или примерно в течение года после этого практически уничтожил всех своих братьев-королей и своим жестоким способом подавил непокорный дух; но, естественно, стал совершенно непопулярен в Норвегии и наполнил ее молчаливым недовольством и даже яростью против него. Последнему сыну Хакона Прекрасноволосого,

маленькому приемышу Ательстана в Англии, получившему крещение и тщательное образование, шел четырнадцатый или пятнадцатый год после смерти отца; очень сияющий юноша, как с удовольствием увидел Ательстан. Как только были улажены несколько предварительных приготовлений, Хакон, снабженный Этельстаном одним-двумя кораблями, внезапно появился в Норвегии и был признан крестьянами в Трондъеме, "весть о чем облетела Норвегию, как огонь сухую траву", - говорит старый хронист. Так что Эрику со своей королевой Гунхильдой и семью маленькими детьми пришлось бежать; другой смены у Эрика не было. Сначала они отправились на Оркнейские острова, потом в Англию, и он, как я смутно слышал, "получил Нортумберленд в качестве графства" от Ательстана. Но Эрик вскоре умер, и его королева со своими детьми вернулась на Оркнейские острова в поисках убежища или помощи; без особой пользы ни там, ни где-либо еще. С Оркнейских островов она отправилась в Данию, где Харальд Синезубый взял на воспитание ее бедного старшего сына; но, боюсь, не очень точно сдержал свое обещание. Датчане много грабили во время недавних беспорядков в Норвегии; христианский хакон, теперь обосновавшийся там, расплачивался натурой, и две страны находились в состоянии войны; так что маленький мальчик Гунхильд был желанной карточкой в руках Синезубого.

Хакон оказался блестящим и успешным королем; регулировал многие вещи, в том числе общественное право (*Закон Гуле-Твари*, *Закон Ледяной Твари*: это его маленькие кодексы, принятые соответствующими Вещами и оказавшие благотворное действие в свое время); с быстрой ловкостью он отражал вторжения приемных сыновей синезубого каждый раз, когда они приходили; и в целом снискал себе имя Хакона Доброго. Эти датские вторжения были для него частым источником неприятностей, но его самой большой и постоянной проблемой было искоренение языческого идолопоклонства в Норвегии и внедрение вместо него христианского евангелия. Его трансцендентное стремление осуществить это спасительное начинание на протяжении всего пути было для него величайшей трудностью и камнем преткновения; языческое противодействие этому также было укоренившимся и великим. Епископы и священники из Англии, которые были у Хакона, проповедовали и крестили, кого могли, но продвигались лишь медленно; слишком медленно для рвения Хакона. С другой стороны, каждый святочный день, когда главные язычники собирались в его собственном дворце на их грандиозный праздник жертвоприношения, на Хакона оказывалось большое давление в отношении окропления конской кровью, питья святочного пива, поедания конины и других печальных обрядов; все это Хакон ненавидел и со всей своей стойкостью стремился полностью отвергнуть. Сигурд, ярл Лейда (Трондхьема), либеральный язычник, не являвшийся открыто христианином, всегда был мудрым советчиком и примирителем в таких делах; и оказал Хакону большую помощь. Однажды, например, когда на святочном пиру они громко, почти бурно потребовали, чтобы Хакон, как истинный мужчина и брат, выпил с ними святочного пива в их священный праздник, Сигурд убедил его подчиниться, по крайней мере, формально, ради мира. Хакон взял кубок в левую руку (превосходное горячее *пиво*), правой начертал над ним крестное знамение, затем отпил глоток. "Да, но что это с правой рукой короля?" - воскликнула компания. "Разве вы не видите?" - ответил хитрый Сигурд. "Он делает знак молота Тора перед тем, как выпить!" что на время заглушило этот вопрос.

От конины, конинного бульона и вообще от ингредиентов из конины Хакон почти неумолимо отказался. По настоятельным увещаниям и мольбам Сигурда он однажды действительно взял за ручку котел с конским бульоном, вложив в него изрядное количество льняного одеяла или полотенца, и открыл рот, чтобы пар мог проникнуть внутрь. В другой раз он согласился на

кусочек лошадиной печени, намереваясь, как я полагаю, втайне сохранить ее вне пищевода и утащить контрабандой, не проглатывая; но дальше этого даже Сигурд не смог его уговорить зайти. В том, что касалось этого вопроса, успех Хакона всегда был неполным; время от времени это был явный провал, и Хакону приходилось отступать до лучших времен. Вот один из примеров ответа, который он получил по такому случаю; любопытный образец античного парламентского красноречия в антихристианском произведении.

На одном из всех фестивалей Трондхьема, проходившем во Фросте в этом регионе, король Хакон со всем красноречием, на которое он был способен, показал, что действительно необходимо, чтобы все связующие и младшие связующие стали христианами и уверовали в единого Бога, Христа, Сына Марии; полностью отказались от кровавых жертвоприношений и языческих идолов; должны свято соблюдать каждый седьмой день, воздерживаться в этот день от работы и даже от еды, посвящая день посту и священным размышлениям. После чего, в качестве всеобщего ответа, поднялся смущенный всеобщий ропот полного несогласия. "Отнимите у нас нашу старую веру, а также наше время для труда!" - бормотали они в гневном изумлении. "Как можно даже землю обрабатывать таким образом?" "Мы не сможем работать, если не добудем еды", - говорили разнорабочие и рабы. "Это у короля Хакона в крови, - замечали другие. - его отец и вся его родня были склонны скупиться на еду, хотя и достаточно щедры в обращении с деньгами". Наконец, некто Осбьерн (или Медведь Асенов, или Богов, как мы теперь называем Осборна), некто Осбьерн из Медалхусин Гулатхала, выступил вперед и отчетливо произнес: "Мы, бондеры (крестьяне-собственники), подумали, король Хакон, когда ты провел свой первый рабочий день здесь, в Трондхьеме, и мы приняли тебя за нашего короля и снова получили от тебя наши наследственные земли, что мы получили само небо. Но теперь мы не знаем, как это происходит, завоевали ли мы свободу, или ты намереваешься снова сделать нас рабами, сделав это замечательное предложение, чтобы мы отреклись от нашей веры, которой придерживались наши отцы до нас, а также все наши предки, сначала в эпоху погребения через сожжение, а теперь в эпоху захоронения в земле; и все же эти ушедшие были намного выше нас, и их вера тоже принесла нам процветание. Тебя, в то же время, мы любили так сильно, что вырастили тебя, чтобы ты управлял всеми законами страны и говорил как их голос со всеми нами. И даже сейчас наша воля и голос всех Связующих - сохранить то соглашение, которое ты дал нам здесь, во Фросте, и сохранять тебя королем до тех пор, пока у любого из нас, Связующих, кто здесь, на Связующем, есть жизнь, при условии, что ты, король, будешь честно работать и требовать от нас только того, что не является невозможным. Но если ты заикнешься на этом с таким большим упорством и применишь силу и властолюбие, то в таком случае мы, связующие, приняли решение, все мы, отпасть от тебя и взять себе другого главу, который будет вести себя так, чтобы мы могли свободно наслаждаться верой, которая нам приятна. Теперь ты, король, должен выбрать одно из этих двух блюд, прежде чем Тварь рассеется". "После чего, - добавляет Хроника, - все Связующие подняли могучий крик: "Да, мы сделаем так, как было сказано". Так что ярлу Сигурду пришлось вмешаться, а королю Хакону выбрать на данный момент более мягкую ветвь альтернативы.⁴ В других вещах Хакон был более или менее успешен. Всю свою жизнь, используя те методы, какие только были, он продолжал продвигаться вперед в этом великом предприятии; и в целом он основательно потряс старое здание язычества и справедливо заложил некоторые основы для нового и лучшего правления веры и жизни среди своего народа. Сигурд, ярл Лейда, его мудрый советник во всех этих вопросах, тоже человек, достойный внимания.

Меры Хакона против постоянных вторжений сыновей Эрика при поддержке датского Синего зуба были разнообразными и долгое время успешными. Он назначил, после консультаций и согласия по различным вопросам, так много военных кораблей, полностью укомплектованных и готовых к бою, которые должны были быть немедленно предоставлены по требованию короля каждой провинцией или фьордом; сторожевые костры в подходящих местах, от холма к холму по всему побережью, должны были быть тщательно установлены, тщательно поддерживаться в готовности и зажигаться при любой тревоге о войне. Такими методами вторжения Синего зуба и Компании долгое время были триумфально и даже быстро отбиты, все до единого, пока, наконец, не показалось, что они намеревались совсем прекратиться и оставить Хакона в покое. Но, в конце концов, это была не их проблема. Сыновья Эрика только смягчились от постоянного уныния, но и не отказались окончательно от того, что казалось им единственной великой достижимостью в жизни. Гунхильд, их мать, все еще была с ними: самая изворотливая, свирепая, непримиримая женщина, усердная и требовательная к ним, в свое время и не в свое время; а что касается короля Синезубого, то он всегда был готов помочь, по крайней мере, своей доброй волей.

Сигнальные огни со стороны Хакона вызывали беспокойство у его народа; иногда это было даже вредно и провоцирующе (зажигать сигнальные огни и будить все побережье и население, когда это был всего лишь какой-то ничтожный викинг с парой кораблей); короче говоря, система подачи тревожных сигналов вышла из употребления, и, в первую очередь, сам добрый король Хакон поплатился за это. Новейшие комментаторы считают, что это было около 961 года н.э., шестнадцатого или семнадцатого года благочестивого, доблестного и достойного правления Хакона. Однажды, когда он был на пиру со многими гостями на острове Сторд, до него внезапно дошло известие, что с юга приближается большое количество кораблей, и, очевидно, военных. Это было самое крупное из всех вторжений приемных сыновей Синезубого; и в ту ночь оно стало фатальным для Хакона Доброго. Эйвинд Скальдаспиллир (уничтожитель всех других скальдов) в своей знаменитой *Песне Хакона* приводит отчет и, что еще более уместно, всегда практичного Снорро. Датчане в великом множестве, шесть к одному, как впоследствии подсчитали люди, быстро выпрыгивают на сушу и выстраиваются в шеренги; Хакон, тем не менее, сразу решает не садиться на свои корабли и бежать, а сражаться там, один к шести; сражается, соответственно, в своей самой великолепной манере и, наконец, славно побеждает; обращает в бегство и рассеивает обратно на свои корабли и спасает домой этих датчан шесть к одному. "Во время схватки, - говорит Снорро, - он был очень заметен среди других мужчин; и пока светило солнце, его ярко позолоченный шлем сверкал, и поэтому на него было направлено много оружия. Один из его приспешников, Эйвинд Финнсон (*то есть* Скальдаспиллир, поэт), взял шляпу и надел ее поверх королевского шлема. Итак, среди первых вождей враждебных племен были два дяди Эриксонов, братья Гунхильд, оба великие воители; Скрейя, старший из них, после исчезновения сверкающего шлема хвастливо крикнул: "Значит, король скандинавов прячется или сбежал? Где теперь золотой шлем? С этими словами Скрейя и его брат Альф вместе с ним двинулись дальше, как дураки или безумцы. Король сказал: "Иди этим путем, и ты найдешь короля скандинавов". И через короткое время хвастун Скрейя действительно подошел, размахивая мечом, и нанес королю удар; но Торальф Сильный, исландец, сражавшийся рядом с королем, с такой силой ударил Скрейю своим щитом, что тот пошатнулся от удара. В то же мгновение король берет свой меч "квернбитер" (способный рубить *кверны* или жернова) обеими руками и рубит Скрейю шлем и голову, рассекая его

до плеч. Торальф также убил Альфа. Это было то, что они получили в результате столь поспешных поисков короля скандинавов. 5

Снорро считает падение этих двух дядюшек-чемпионов переломным моментом в битве; датские войска были сильно обескуражены таким зрелищем, а король Хакон теперь давил так сильно, что все люди уступали перед ним, битва со стороны Эриксона превратилась в водоворот отступления; и еще через несколько минут начался поток простого бегства и спешки попасть на борт своих кораблей и снова выйти в море; в ходе этой операции многие из них утонули, говорит Снорро; выжившие в таком печальном состоянии немедленно отплыли в Данию.

Похоже, это была лучшая битва короля Хакона и самая заметная из его побед, в немалой степени благодаря его собственным выдающимся качествам, проявленным в этом случае. Но, увы! это было и его последним. Он все еще ревностно руководил преследованием этого безумного бегства датчан, или вихря отдачи, в сторону их кораблей, когда стрела, пущенная, скорее всего, наугад, попала ему под левую подмышку; и это доказало его смерть.

Ему помогли сесть на корабль, и он отплыл в Альрекстад, где находилась его главная резиденция в тех краях; но ему пришлось остановиться в местечке поменьше (которое принадлежало его матери и где он сам родился) — в местечке под названием Хелла (Плоская скала), до сих пор известном как "Хелла Хакона", где он потерял сознание от потери крови и был раздавлен так, как никогда прежде не чувствовал. Не имея сына и только одной дочери, он приказал послать за этими агрессивными сыновьями Эрика, и в случае своей смерти стать королем, но "пощадить своих друзей и родню". "Если мне будет дарована более долгая жизнь, - сказал он, - я уйду из этой земли к христианам и совершу покаяние за то, что я совершил против Бога. Но если я умру в стране язычников, пусть меня похоронят так, как вы сами сочтете наиболее подходящим". Это его последние записанные слова. И по языческому обычаю он был похоронен, и его оплакивали Эйвинд и скальды, хотя сам он был ревностным христианским королем. Хакон *Добрый*; так что человек все еще считает его достойным называться. Скорбь по поводу смерти Хакона, по словам Снорро, была настолько велика и всеобща, "что его оплакивали как друзья, так и враги; и они говорили, что Норвегия никогда больше не увидит такого короля".

ГЛАВА IV. ХАРАЛЬД ГРЕЙФЕЛЛ И БРАТЬЯ.

Сыновья Эрика, четверо или пятеро из них, с Харальдом во главе, теперь сразу взяли Норвегию в свои руки, всю, кроме Трондъема, в качестве короля и младших королей; и это стало тяжелым испытанием для тех, кто был или казался их врагами. Превосходный ярл Сигурд, всегда такой полезный Хакону и его стране, был убит ими; и вскоре они рассказали в этом. Убитый Сигурд оставил ярлом сына Хакона, который мало-помалу прославился в северном мире. Этого Хакона, и только его, трондъемцы признают своим сувереном. "Тогда смерть ему", - сказали сыновья

Эрика, но только по секрету, пока у них не развязались руки и они не были готовы; а это произошло только через несколько лет. Нет, Хакон, когда на него действительно напали, оказал хорошее сопротивление и пригрозил причинить неприятности. И он никоим образом не добился своей смерти от этих сыновей Эрика ни в то время, ни много лет спустя вообще, ни от кого-либо из их родственников, как это случилось. Напротив, сейчас он бежал в Данию, и мало-помалу ему удалось вернуться, за их счет.

Среди других их главных жертв были два их собственных кузена, Трюггве и Гудрод, которые были честными заместителями покойного верховного короля Хакона Доброго; но теперь попали под подозрение, и им пришлось бороться за свои жизни, и они трагически потеряли их. У Трюггве был сын, о котором мы еще услышим. Гудрод, сын достойного Бьерна Чапмена, был дедом святого Олафа, о котором слышали все люди, у которого и по сей день есть церковь в Саутурке и еще одна в Олд-Джеври. Считалось, что во всех этих беспорядках главную роль сыграла Гунхильд, вдова покойного короля Эрика. Она вернулась в Норвегию со своими сыновьями и, естественно, считалась тайным советником и матерью-президентом во всем, что касалось насилия; всегда считалась падшей, неистовой, безжалостной личностью там, где были затронуты ее собственные интересы. Вероятно, по мере того, как все улаживалось, ее влияние на дела уменьшалось. По крайней мере, можно на это надеяться; и в Сагах о ней слышно все меньше и меньше, а вскоре и вовсе ничего.

Харальд, главный король в этом братстве Эрика, по-видимому, не был плохим человеком, скорее наоборот; но его положение было неблагоприятным, полным трудностей и противоречий. Все, что Харальд мог сделать во имя христианства или реальной пользы Норвегии в этих трудных обстоятельствах, он, по-видимому, сделал скромно и честно. Он получил имя *Грейфелл* от своих людей по очень тривиальному поводу, но, по-видимому, с безупречным юмором с их стороны. Какой-то исландский торговец привез в Трондхьем (Ладе) груз мехов для продажи; поскольку распродажа шла медленнее, чем хотелось исландцу, он подарил выбранный образец, плащ, дублет или что бы это ни было, Харальду; который с одобрением носил его на публике и быстро избавился от запасов исландца и присвоил себе фамилию *Грейфелл*. Его младшие короли и он сам, конечно, не были популярны, хотя я почти думаю, что сам Грейфелл, в отсутствие своей матери и младших королей, мог бы быть таким. Но все они были здесь и причинили большие неприятности Норвегии. "Их слишком много", - говорили все; "слишком много этих дворов и придворной челяди, поедающих все, что есть". К тому же два или три сезона подряд были плохими для травы, а тем более для зерна; не было и *селедки*; по мнению Эйвинда Скальдаспиллира, зубы должны были быть очень чистыми. Эта нехватка, наконец, стала их долей в великом голоде 975 года н.э., который опустошил Западную Европу (см. Стихотворение в "Саксонской хронике"). И все это Эйвинд Скальдаспиллир и норвежские язычники в целом приписывали гневу языческих богов. Недовольство в Норвегии, и особенно в Эйвинде Скальдаспиллире, по-видимому, было очень велико.

После чего изгнанник Хакон, сын ярла Сигурда, появляется в Дании при поддержке старого короля Синего зуба и начинает вторгаться самыми разными способами; особенно интригующими и измышляющими заговоры становятся все вокруг него. Непостижимо хитрый парень, а также дерзкий и волевой! Интригует в Трондхьеме, где на него нападает и убивает младшего короля, брата Грейфелла; интригует с Золотым Харальдом, выдающимся кузеном или племянником короля Синего зуба, который проделал прекрасную работу викинга и заработал такое богатство, что получил эпитет "Золотой", и который теперь бесконечно желал получить

долю в королевстве Синего зуба в качестве надлежащего завершения этих морских странствий. Однажды он даже отважился публично сделать такое недвусмысленное предложение самому королю Харальду Синезубому, который при одном упоминании об этом метал громы и молнии, так что несколько дней после этого никто не осмеливался заговорить с ним. У обоих этих Харальдов Хакон был близким другом, и ему потребовалось все его мастерство, чтобы пройти без немедленного уничтожения между такой парой драконов и вместе с тем завоевать Норвегию для себя. В конце концов он пришел к выводу, что должен твердо встать на сторону Синего зуба в этом вопросе; и что они двое должны предложить рецепт приготовления Золота Харальда и Норвегии одновременно.

"Тебе дороже жизни снова заговорить о том, чтобы разделить это датское королевство, - сказал Хакон наедине с Золотым Харальдом. - Но разве ты, мой золотой друг, не мог бы довольствоваться Норвегией в качестве королевства, если бы кто-нибудь помог тебе получить его?"

"Я вполне мог бы", - ответил Харальд.

- Тогда оставьте мне те девять боевых кораблей, которые вы только что снарядили для нового похода "викингов"; держите их наготове, когда я пошевелю пальцем!

Это был рецепт, придуманный для "Золотого Харальда"; рецепт для "Короля Грейфелла" помещен в тот же флакон и тоже готов.

До сих пор беспорядки Хакона и Синего зуба в Норвегии были незначительными. Король Грейфелл, очень активный и доблестный человек, постоянно, без особых трудностей отражал эти спорадические столкновения; но Грейфелл, тем не менее, охотно заключил бы мир с опасным старым Синезубом (всегда стремящимся прибрать к рукам Норвегию на любых условиях), если бы мир с ним был возможен. Синезубый тоже изъявляет всяческую готовность; уговаривает Грейфелла, как это делают он и Хакон, устроить дружескую встречу на датских границах и не только уладить все эти ссоры, но и щедро наделить Грейфелла некоторыми поместьями, на которые он претендовал в самой Дании; и таким образом поклясться в вечной дружбе. Грейфелл радостно подчиняется и пунктуально появляется в назначенный день в проливе Лаймфьорд, в назначенном месте. После чего Хакон подает сигнал Золотому Харальду: "К Лимф-фьорду с этими твоими девятью кораблями, быстрый!" Золотой Харальд летит в Лимф-фьорд со своими кораблями, вызывает короля Харальда Грейфелла на посадку и сражение; что неустрашимый Грейфелл, несмотря на численное превосходство, и делает; и, сражаясь изо всех сил, погибает там, он и почти весь его народ. После чего ярл Хакон, который был наготове, нападает на Золотого Харальда, победоносного, но усталого; легко побеждает Золотого Харальда, берет его в плен и мгновенно вешает и прикончивает, к огромной радости короля Синезуба и Хакона; которые теперь немедленно отправляются в Норвегию; обращают всех братьев-младших королей в быстрое бегство на Оркнейские острова, в любое удобное убежище; и так, под покровительством Синезуба, Хакон с титулом Ярла становится правителем Норвегии. Это грязное предательство, совершенное над храбрым и честным Харальдом Грейфеллом, некоторые датируют примерно 969 годом н.э., Мунк - 965 годом, другие, исходя только из Снорро, - 975 годом н.э. Ибо в этих исландских датах всегда есть неопределенность (скажем, скорее, редкие и грубые попытки датировки, без указания даже "первого года нашей эры" или другого фиксированного "первого года", который можно использовать в Исландии), хотя, я думаю, редко бывает такое большое расхождение, как здесь.

ГЛАВА V. ХАКОН ЯРЛ.

Хакон Ярл, такого стиля он придерживался, обещал заплатить какую-нибудь дань королю Синезубу, "если сможет"; но он никогда ничего не платил, всегда ссылаясь на необходимость своих собственных дел; этим оправданием, вкупе с готовностью Хакона в менее важных делах, королю Синезубу удавалось довольствоваться, по крайней мере, Хакон всегда был его добрым соседом, и они оба зависели друг от друга. В Норвегии Хакон, не имевший титула короля, решительно, стойко и, в конце концов, успешно исполнял обязанности единого; правил Норвегией (некоторые считают) более двадцати лет; и большую часть этого времени как дома, так и за границей пользовался большим уважением; особенно среди ортодоксальных язычников, поскольку сам Хакон Ярл был ревностным язычником, настроенным против этих химерических христианских нововведений и нездоровых изменений вероучения, и с радостью затоптал бы все следы того, что делали два последних короля (ибо Грейфелл также был английский христианин в своем роде) поступил в этом отношении. Но он мудро понял, что это невозможно, и что ради мира он не должен даже пытаться это сделать, а должен стремиться к "совершенной терпимости" и к тому, чтобы "каждый достиг небес или даже другой цели своим собственным путем". Хорошо известно, что он сам отремонтировал множество языческих храмов (великий "церковный строитель" в своем роде!), изготовил множество великолепных идолов с большим количеством позолоты и такими художественными украшениями, какие только были, — в частности, одно огромное изображение Тора, не забыв молот и отростки, и такой ошейник (предположительно из чистого золота, которого, как мы узнаем со временем, на самом деле не было) на его шее, какого никогда не видели на всем Севере. О том, как он проводил свои собственные святочные праздники, с какой великолепной торжественностью поедал лошадей, окроплял кровью и совершал другие священные обряды, рассказывать не нужно. Можно заметить, что он был чем-то вроде "Ритуалиста"; возможно, в нем были скандинавские пьюсизмы и другие отчаянные языческие представления. Во-первых, все считали, что он увлекся магией и обладал опасными способностями, исходящими от самого Дьявола. Его темный языческий разум яростно борется в этой странной стихии, в некоторых моментах не так уж и непохожей на нашу собственную.

В остальном он, очевидно, был в практических вопросах человеком острой проницательности, непоколебимой решимости, трудолюбия, расторопности и необычайно хорошо справлялся со своими светскими делами. Под его началом было шестнадцать ярлов, хотя сам он был всего лишь Хакон ярл по титулу; и он добивался от них более строгого повиновения, чем любой другой король со времен Хаарфагра. Добавьте к этому, что в стране были прекрасные годы для выращивания травы и урожая и что сельдь была в изобилии; для мыслящего ума это указывает на то, что Хакон Ярл был любимцем Небес.

Его бой с широко известными Йомсвикингами стал его самым грандиозным подвигом, о котором ходили общественные слухи. Йомсбург, местность, ныне неизвестная, за исключением того, что она находилась недалеко от устья реки Одер, обозначала в те века неприступный замок некой ярой корпорации, или "Ассоциации морского разбоя (ограниченной)", которая в течение нескольких поколений держала в страхе Балтийское море и грабила далеко за его пределами — в самом океане, во Фландрии и тамошних богатых торговых гаванях, — прежде всего, в богатой анархической Англии, которая примерно с этого времени в течение сорока лет была пристанищем пиратов и регулярно, каждое лето, поставляла рабов. , Данегельт и разная добыча, какой никогда не знали ни Йомсбург, ни мир викингов. Пальнатоке, Буэ и других квазигероических руководителей этого истеблишмента до сих пор помнят в северных районах. *Пальнатоке* - название трагедии Оленшлагера, получившей бессмертие в Копенгагене около шестидесяти или семидесяти лет назад.

Я полагаю, что это учреждение находилось в самом цветущем состоянии, вероятно, во времена Хакона Ярла. Хакон Ярл и эти пираты, грабившие подданных Хакона и часто посещавших его торговцев, естественно, были в ссоре; и происходили частые стычки, как правило, не в пользу йомсбургцев, которые в конце концов решили отомстить и избавиться от этого мешающего им Хакона ярла. Они собрались всеми силами на мысе Штад, в Фирда—Фюльке; и сражение было до крайности ужасным, шум его еще долго потом наполнял весь север. Хакон, сражающийся как лев, едва мог устоять на ногах, — Смерть или Победа, говорили обе стороны; когда внезапно небеса почернели, и разразилась ужасающая буря с громом и градом, ужасающая для человеческого разума, — вселенная полностью погрузилась в черную ночь; только мгновенные вспышки, раскаты грома, как во время Рагнарека, и обрушивающиеся потоки града, градины размером с яйцо. Тор со своим молотом, очевидно, действует; но от имени кого? Йомсбургцы в жуткой темноте, нарушаемой только вспышками грома, испытывали мрачное предчувствие, что это, вероятно, произошло не от их имени (у Тора было присущее ему чувство справедливости); и прежде чем шторм закончился, тридцать пять из их семидесяти кораблей отошли в сторону, предоставив доблестному Бью и остальным тридцати пяти следовать за ними, как им заблагорассудится, которые с упреком приветствовали этих беглецов и продолжили теперь уже безнадежную битву. Нос и губы Бью были разбиты или порезаны; Бью сумел наполовину членораздельно воскликнуть: "Ха! служанки ("мэйс") из Фунена никогда больше не поцелуют меня. За борт, все люди Буэ!" И, взяв два своих морских сундука со всем золотом, которое он добыл в такой борьбе за жизнь с незапамятных времен, соответственно прыгнул за борт и покончил с этим делом. Слава Хакона Ярла, естественно, возросла до небывалых высот после этого подвига. Его соплеменники, я полагаю, в основном христианская их часть, с содроганием перешептывались друг с другом, "Что в самую страшную грозу он забрал своего младшего мальчика и скрылся с ним; принес его в жертву Тору или какому-то дьяволу и одержал свою победу с помощью искусства магии или чего-то похуже". Ярл Эрик, старший сын Хакона, без малейшего подозрения в искусстве магии, но уже выдающийся викинг, в этой битве трижды отличился своим стилем морского боя; и пробудил большие надежды у викингской публики; о нем мы еще услышим.

Можно было бы подумать, что йомсбургеры после этого печального хлопка заметно опустились в мире; но на самом деле это не совсем так. Старый король Синезубый был теперь мертв, умер от раны, полученной в битве со своим неестественным (так называемым "естественным") сыном и преемником, Отто Свейном Раздвоенной Бородой, впоследствии королем и завоевателем Англии на короткое время; и редко, возможно, никогда, викингизм не был в таком расцвете сил,

как сейчас. Этого человека зовут Свен по-шведски, Свен по-немецки и означает мальчик или отрок, от английского "swain". Именно на старом "funeral-ale" (пьяном погребальном пиршестве) отца Блутуса Свейн, пьянствуя со своими йомсбургскими вождями и другими избранными людьми, в основном из разбойничьего сословия, все поднялись на вершину наивысшего разбойничьего энтузиазма, поклялись друг другу; Свейн, что он завоюет Англию (что, в некотором смысле, он, после долгой борьбы, и сделал); а йомсбургцы, что они разорят и искоренят Хакона Ярла (чего, как мы только что видели, они ни в коем случае не могли сделать), и другие гости совершили другие глупости, которые только что совершили. оказалось в равной степени неосуществимым. Добровольцев-морских разбойников в то время было особенно много, и можно понять, как легко йомсбургцы могли вербовать самих себя, строить или переоборудовать новые разбойничьи флотилии, укомплектовывать их отборными командами и плыть в богатую, плодородную Англию; где при Этельреде Неготовом было такое поле для прибыльных предприятий, какого у викингов никогда не было ни до, ни после.

Иногда у меня возникает праздный вопрос — достаточно праздный, поскольку на него никогда нельзя ответить утвердительно или отрицательно, - не эти ли самые переоборудованные "йомсбургеры" появились некоторое время спустя у Ред-Хед-Пойнт, на берегу Ангуса, и подверглись новому жестокому избиению в том, что шотландцы до сих пор смутно помнят как свою "Битву при Лонкарти"? Вне всякого сомнения, примерно в это время мощное норвежско-пиратское вооружение бросило якорь у Красной Головы, к тревоге мирных смертных. Предполагалось, что он будет на пути в Англию, но было заметно, что он задержался на несколько дней, размышляя (как и предполагалось), окажут ли они честь этому бедному побережью высадиться на нем, прежде чем отправиться дальше. Высадились и энергично грабили и жгли на юго-западе до самого Перта; осадили Перт; но навели на них короля Кеннета и вызвали ту "Битву при Лонкарти", которая до сих пор живет в смутных воспоминаниях шотландцев. Возможно, это могли быть йомсбургеры; возможно, и нет; ибо существовало множество пиратских объединений, длящихся не из века в век, как йомсбургеры, а лишь в течение очень ограниченных периодов или из года в год; действительно, в основном благодаря им в это катастрофическое время в Англии был собран великолепный урожай воровства. Ни один шотландский хронист не дает хотя бы малейшей точной даты их знаменитой победы при Лонкарти, только то, что она была одержана Кеннетом III., что будет означать некоторое время между 975 и 994 годами н.э.; и, судя по порядку, в котором они это изложили, вероятно, вскоре после 975 года н.э., или начала правления этого Кеннета. Повествование Бьюкенена, тщательно отобранное из всех древних шотландских источников, обладает замечательным качеством стиля, а в остальном спокойное, краткое, с совершенной ясностью, даже с совершенным правдоподобием, за исключением этого полудикого придатка "Пахарей, Хэя и сыновей", который всегда висит в хвосте; зерновозможной правды, из которого теперь никогда не извлечь человеческим искусством! 6 Короче говоря, нам известно, что в этой местности время от времени находили фрагменты древних человеческих костей и доспехов, что является несомненным доказательством древних сражений здесь; и битва разгорелась вскоре после того, как Хакон разбил йомсбургцев на мысе Стад. И в таком тусклом мерцании колеблющихся сумерек вопрос о том, были ли эти "Лонкарти" переоборудованными "Джомсбургерами" или нет, должен быть оставлен в подвешенном состоянии. Сейчас Лонкарти - самая большая отбеливающая площадка во владениях королевы Виктории; там нет ни деревни, ни околицы, только огромная отбеливающая мастерская и красивое поле примерно в шести-семи милях к северо-западу от Перта, окаймленное прекрасной рекой Тэй с одной стороны и ее прекрасным

притоком Алмонд - с другой; в те простые времена Лонкарти предназначался либо для отбеливания белья, либо для проведения честных поединков между нациями.

Имели ли наши переоборудованные "Джомсбургеры" к этому хоть малейшее отношение, зависит только от фантазии, но если бы они снова получили хорошую взбучку, фантазия была бы рада убедиться в этом факте. Старые короли-пираты Дании стояли у основания Йомсбурга, и для Свейна Раздвоенной Бороды это все еще было жизненно важно, но не так для великого Кнута или любого другого последующего короля; у всех у них были дела поважнее, чем простое воровство; и именно Магнус Добрый из Норвегии, человек с еще более высокими антианархическими качествами, уничтожил это примерно столетие спустя.

Говорят, что Хакон Ярл, завершивший свои главные труды в этом мире, в пожилом возрасте стал очень распутным, особенно в том, что касалось женщин; жалкий старый дурак, увлеченный бездельем и обилием хлеба, о которых всем нам хорошо известно, что они являются родителями зла. Обладая абсолютной властью, он взял в привычку открыто отнимать у мужчин хорошеньких дочерей и жен, а через несколько недель отсылать их обратно; к большому гневу свирепого норвежского сердца, если бы были какие-либо средства сопротивления или мести. Через некоторое время это действительно доказало разорение Хакона Богатого, как его тогда называли. Это открыло дверь, а именно для появления на сцене Олафа Трюггвесона — гораздо более великого человека; в отношении которого хитрости и ловушки Хакона оказались верным рецептом, но не для Трюггвесона, а для самого коварного Хакона, как сейчас будет видно.

ГЛАВА VI. ОЛАФ ТРИГГВЕСОН.

Хакон, в более поздние времена, слышал об известной волнующей личности, одерживавшей победы в различных землях и морях, недавно объединившейся в морском разбое со Свейном, королевским принцем Дании, впоследствии королем Свейном Двойной бороды ("*Звае Скиаег*", "*Тва Шэг*") или вилобородой, оба из которых уже совершили выдающиеся подвиги на манер викингов во время этого совместного предприятия. Слава о Свейне и этом волнующем персонаже, которого звали "Оле", а недавно и об их грандиозных подвигах при разграблении Англии, осаде Лондона и других чудесах и великолепии викингской славы и успехов облетела весь Север, привлекая внимание Хакона и всех тамошних жителей. Имя "Оле" казалось Хакону Ярлу загадочным, таинственным и даже опасным; в конце концов, он отправил доверенного шпиона расследовать это "Оле"; подвиг, который доверенный шпион полностью выполнил, — отнюдь не к выгоде Хакона! Таинственный "Оле" оказался не кем иным, как Олавом, сыном Трюггве, которому суждено было внезапно уничтожить Хакона Ярла и прославиться среди героев скандинавского мира.

Об Олафе Трюггвесоне всегда надеешься, что когда-нибудь будет написан какой-нибудь реальный очерк биографии, выуженный из бездн, где (как обычно) он пока барахтается в грязном соседстве. Далее мы намерены сказать еще несколько слов по этому вопросу. Но в этом месте все, что нас интересует, ограничивается двумя следующими фактами: во-первых, доверенный шпион Хакона "нашел Оле в Дублине"; завязал с ним знакомство, заставил его признаться, что он на самом деле Олаф, сын Трюггве (того самого Трюггве, которого убили свирепая вдова Кровавого топора и ее сыновья); постепенно заставил его признать, что, возможно, экспедиция в Норвегию может иметь свои шансы; и, наконец, что под таким мудрым и верным руководством, как у него (доверенного шпиона, чья дружба с Трюггвесоном была столь несомненной), он сможет выжить. (Триггвесон) на самом деле испробовал бы это на Хаконе Ярле, распутном старом негодяе. Факт второй заключается в том, что примерно в то время, когда они вдвоем отплыли из Дублина в свою норвежскую экспедицию, Хакон ярл отправился в Трондхем, который тогда назывался Лейд; намереваясь провести там несколько месяцев.

И вот, примерно в то время, когда Трюггвесон, шпион и группа высадились в Норвегии и продвигались к Ладе, пользуясь поддержкой общественности, распутный старый Хакон ярл услышал о некоей Гудрун, жене Бондаря, несравненной по красоте, которую в тех краях называли "Солнечный луч из Роши" (такая невыразимо прекрасная); и послал пару рабов привести ее к нему. "Никогда", - ответила Гудрун; "никогда", - ответил ее возмущенный муж тоном, опасным и неприятным для этих придворных рабов, которым пришлось быстро уйти, но они пригрозили вскоре вернуться в лучшей форме. После чего, мгновенно, возмущенный Бондарь и его Солнечный Луч из Роши выпустили свою боевую стрелу, пробудив во всей стране гнев и, возможно, не одного человека в жадной надежде отомстить за собственные обиды. Остальная часть истории Хакона теперь протекает с необычайной быстротой.

"Солнечный лучик из Роши", когда ее в следующий раз требуют от Бондаря, заставляет всю округу ополчиться вокруг нее; слух о Триггвесоне быстро облетает всю страну. Дерзкие посланцы Хакона изрублены в куски; Хакон слишком быстро обнаруживает, что не может улететь под прикрытием. С единственным рабом он улетает той же ночью; — но в вайтервард? Не может придумать ни одного безопасного места, кроме как к какой-нибудь своей старой любовнице, которая живет на пенсии по соседству и испытывает хоть какую-то жалость или уважение к злому старому Хакону. Старая хозяйка принимает его, жалеет его, сделает все, что в ее силах, чтобы защитить и спрятать его. Но как, с помощью какой высшей женской хитрости спрятать его здесь; все будут искать прежде всего здесь! Старая госпожа с помощью рабыни импровизирует погреб под полом своего свинарника; помещает туда Хакона и рабыню, как единственное безопасное убежище, которое она может придумать. Хакон и рабыня, растерзанные свиньями над ними, замученные дьяволами внутри и вокруг них, провели два дня во все более и более ужасных обстоятельствах. Ибо они слышали сквозь свои щели для света и дыхания, как триумф Трюггвесона провозглашался устами самого Трюггвесона, который взобрался на большой валун неподалеку и победоносно обращался к народу, завершая речь обещанием почестей и наград тому, кто принесет ему голову старого злого Хакона. Несчастный Хакон, справедливо подозревавший своего раба, пытался хотя бы не заснуть. Раб бодрствовал до тех пор, пока Хакон не задремал или не заснул, затем быстро отрубил Хакону голову и бросился с ней к присутствию Триггвесона. Триггвесон, ненавидевший предателя, каким бы полезным ни было предательство, отрубил рабу голову и повесил ее вместе с головой Хакона на верхушке Лейдской виселицы, где народ забросал обе головы камнями и множеством

проклятий, особенно более важную из двух. Отныне "Хакон Плохой" - это всегда "Хакон Богатый".

Это был конец Хакона ярла, последней опоры язычества в Норвегии, помимо прочих характеристик, которыми он обладал: твердолобый, упрямый, очень безжалостный, жадный и злой человек. Считается, что он правил в Норвегии, или в основном правил, либо в борющемся, либо в торжествующем государстве, около тридцати лет (965-995?). Он и его окружение, казалось, скорее случайно, чем намеренно, сформировали главную оппозицию, с которой потомки Хаарфагра сталкивались на протяжении всего своего существования в Норвегии. Какой ценой для них было убийство доброго ярла Сигурда во времена Грейфелла! Ибо "проклятия, как цыплята", иногда явно "возвращаются домой кормиться", как они всегда, явно или незримо, пунктуально делают.

Хакон Ярл в значительной степени связан с часто упоминаемой там *Сагой о Фарерах* и идеально подходит по характеру; в целом житейски мудрый человек самого грубого типа, не лишенный склонности к практичности и доброте по отношению к тем, кто действительно был бы ему полезен. Его склонность к магии также не забыта.

Хакон оставил двух сыновей, Эрика и Свейна, которые также часто упоминаются в этой Саге. После смерти своего отца они бежали в Швецию, в Данию, и были заняты разжиганием смуты в этих странах против Олафа Трюггвесона; пока, наконец, благодаря благоприятной комбинации, главным образом под их покровительством, они не положили конец его недолгому и благородному правлению. Более того, ярл Эрик оставил сыновей, особенно старшего сына, которого тоже звали Эрик, который оказался тяжелым недугом и постоянным камнем преткновения для нового поколения харфагров, и таким образом проклятие убийства Сигурда продолжало лежать на них.

Ближе к концу правления этого хакона произошло открытие Америки (985). Настоящее открытие, по-видимому, было сделано исландцем Эриком Рыжим, относительно которого в наше время было проведено множество исследований и дискуссий. *Гиннунгагап* (Ревущая бездна) считается устьем Берингова пролива в Баффиновом заливе; *Большой Хеллоленд*, побережье от мыса Уолсингем до Ньюфаундленда; *Малый Хеллоленд*, сам Ньюфаундленд. *Марклендом* были Нижняя Канада, Нью-Брансуик и Новая Шотландия. Южнее Чесапикского залива он назывался *Винной страной* (дикий виноград до сих пор растет на Род-Айленде и более пышно дальше на юг). *Земля белого человека*, называемая также *Великой Ирландией*, предположительно означает две Каролины, вплоть до Южного мыса Флориды. По мнению Дальманна, сами ирландцы могли бы даже претендовать на то, что, вероятно, были первыми первооткрывателями Америки; очевидно, они добрались до самой Исландии еще до того, как об этом узнали норвежские изгнанники. Представляется несомненным, что с конца десятого века до начала четырнадцатого в сознании норвежцев сохранились смутные сведения об этих далеких берегах и даже несколько разрозненных визитов туда странствующих норвежцев; хотя, поскольку результатом были только опасности, трудности и никакой выгоды, визиты прекратились, и все дело кануло в лету, и, если бы не исландский талант писать долгими зимними ночами, потомки вообще никогда бы не услышали о них.

ГЛАВА VII. ПРАВЛЕНИЕ ОЛАФА ТРИГГВЕСОНА.

Олаф Триггвесон (995-1000 гг. н. э.) также является важной фигурой в *Sage о Фарерах* и рассказывает там о своих ранних неприятностях, которые были странными и многочисленными. Он по-прежнему считается великим героем Севера, хотя его *преемником* теперь является только Снорро Стурлесон из Исландии. У Триггвесона действительно было много приключений в этом мире. Его бедная мать, Астрид, была вынуждена бежать после убийства своего мужа Гунхильд, — всю жизнь летать, за три месяца до того, как он, ее маленький Олаф, родился. Она пряталась на заросших тростником островах, бежала по непроходимым лесам; добралась до дома своего отца с маленьким ребенком на руках и лежала там, глубоко спрятанная, за ней ухаживал только сам отец; погоня Гунхильды была такой непрестанной и острой, как у ищеек. Бедняжке Астрид пришлось снова лететь, окольными путями в Швецию, в Эстляндию (Esthonia), в Россию. В Эстляндии она была продана в рабство, совершенно разлученная со своим сыном, которого тоже продавали и снова продавали; но в конце концов сошлась с родственником, занимавшим высокое положение на русской службе; нашла у него искупление и помощь и таким выдающимся образом достигла зрелости, победоносной самопомощи и, наконец, вернула себе свое королевство. Он даже снова встретил свою мать, он - как король Норвегии, она - как человек, чудесным образом вырвавшийся из тьмы в новую жизнь и все еще ожидающий счастья.

Повзрослев, Триггвесон, — теперь мы познакомились с его происхождением и с его, увы, безнадежными притязаниями, — покинул Россию ради единственной доступной ему профессии - морского разбоя; и совершил бесчисленные подвиги на этом сомнительном поприще во многих морях и сценах, — в последнее время в Англии, и наиболее заметные из всех. На одном из своих маршрутов туда, после долгих трудов на Гебридах, Мэне, Уэльсе и вдоль западных берегов до самого Конца Суши и дальше, он ненадолго остановился у островов Силли. Ему рассказали об удивительном христианском отшельнике, странно живущем в этих морских пустынях; у него хватило любопытства разыскать его, исследовать, расспросить и побеседовать с ним; и, после некоторого размышления, он принял христианское крещение от этого почтенного человека. В "Снорро" история замешана на чудесах, слухах и баснях; но сам факт кажется несомненным и очень интересным; великая, дикая, благородная душа свирепого Олафа открывается этому чудесному евангелию вестей из-за пределов мира, вестей, которые бесконечно превосходят все остальное, что он когда-либо слышал или о чем мечтал! Кажется несомненным, что он был крещен здесь; дата не поддается определению; незадолго до смерти бедного убитого горем Дунстана или вскоре после; большинство английских церквей, особенно монастырей, сгорели, их постоянно посещают датчане. Несмотря на такое крещение, Олаф не оставил свою профессию викинга; в самом деле, что еще оставалось для него в мире?

Мы упоминали о его случайных совместных проектах со Свейном Двубородым, ныне ставшим королем Дании, но величайшим из них и единственным интересным на данный момент является их совместное вторжение в Англию, а также подвиги и удачи Трюггвесона там через несколько

лет после того приключения с крещением на островах Силли. На этот раз они со Свейном "провели вместе больше года в Англии": они поднялись вверх по Темзе с тремя сотнями кораблей и множеством бойцов; осада или, по крайней мере, яростный штурм Лондона был их первым или главным предприятием, но оно не увенчалось успехом. Саксонская хроника датирует это событие 994 годом н.э. и прямо называет в качестве соучастника Свейна "Олауса, короля Норвегии", каковым он был еще далек от того, чтобы быть; но в отношении Года Помилования Саксонская хроника должна считаться неоспоримой, и, действительно, в этом вопросе она имеет право голоса. Знаменитый Олаф Трюггвесон, которого можно было увидеть во время осады Лондона в 994 году, бросает своего рода мимолетный свет на этот катастрофический водоворот страданий и неразберихи, в остальном мрачный и болезненный для воображения! Это большое путешествие и яростная осада Лондона - первая реальная попытка Свейна Двубородого выполнить свой обет, данный в "погребальном эле" отца Синезуба, и завоевать Англию, чего, к сожалению, ему пока не удалось сделать. Если бы Лондон теперь пал перед ним, совершенно очевидно, что за ним последовала бы вся Англия, и бедная Англия со Свейном в качестве короля была бы избавлена от неизмеримых бед, которые должны были длиться еще около двадцати двух лет, прежде чем удалось бы достичь такого результата. Но, убедившись, что Лондон на данный момент неприступен (ни одно судно не могло пройти поперек моста, и многие датчане погибли, пытаясь добраться туда вплавь), Свейн и Олаф обратились к другим предприятиям; вся Англия была открыта для них, поворачивай, куда им заблагорассудится. Они жгли и грабили Кент, Гэмпшир, Сассекс; они штурмовали все вокруг; весь мир лежал перед ними, где им было выбирать. Несчастный Этельред, как единственное изобретение, на которое он мог пасть, предложил им Данегельт (16 000 фунтов серебра в этом году, но в другие годы он поднимался до 48 000 фунтов); отчаявшийся Этельред - ясный метод тушения огня путем подливания в него масла! Свейн и Олаф согласились; уехали в Саутгемптон, — по крайней мере, так сделал Олаф, — пока не будут готовы деньги. Странно думать о свирепом свейне Двубородом и завоевании им Англии; это, наконец, стало единственным спасительным результатом, который остался для этой растерянной, угнетенной, ныне совершенно хаотичной и анархической страны. Таким образом, свейн-завоеватель, за которым последовал умелый и ревностный администратор, а также завоеватель Кнут (которого Дальман сравнивает с Карлом Великим), были таинственными судьбами назначены эффективными спасителями Англии.

Триггвесон в этот раз долгое время находился в Саутгемптоне; и много бродил по округе, легко одерживая победы над всем, если предпринимались попытки сопротивления, но почти ничего не находя; и теперь действовал миролюбиво или даже дружелюбно. В Саутгемптоне он познакомился с тогдашним епископом Винчестерским, впоследствии архиепископом Кентерберийским, превосходным Эльфегусом, который до сих пор смутно виден нам как человек большой природной проницательности, благочестия и врожденной правдивости; душа героя, вероятно, по-настоящему братская с душой самого Олафа. Он даже наносил придворные визиты королю Этельреду; один визит к нему в Андовер носил очень серьезный характер. Эльфег, как мы можем обнаружить, познакомил его с подлинными глубинами христианской веры. Эльфегус с подобающей торжественностью в присутствии короля в Андовере заново крестил Олафа, и ему Олаф пообещал, что никогда больше не будет грабить в Англии; это обещание он тоже сдержал. Фактически, вскоре после того, как завоевание Англии Свейном было в явно продвинутом состоянии, Триггвесон (заключив, к тому же, удачный английский или ирландский брак - на вдовствующей принцессе, которая добровольно влюбилась в него, — см.

Снорро об этом прекрасном романтическом факте!) в течение двух или трех лет в основном жил на нашем острове или в Дублине, в окрестностях датского двора там, на Сестринском острове. Соответственно, именно в Дублине, как отмечалось выше, шпион Хакон нашел его; и из Лиффи его эскадра отплыла через Гебридские острова, Оркнейские острова, грабя и крестя по-своему, к такому успеху, который мы видели.

Триггвесон провел упорную и, по сути, победоносную и славную борьбу за себя как король. Ежедневно и ежечасно бдительный, чтобы делать это, достаточно часто мягкими и даже веселыми методами, ибо он был остроумным, жизнерадостным человеком, у него был прекрасный звонкий смех и всегда наготове ясные, содержательные слова, — или, если мягкие методы не помогали, то жесткими и еще более ожесточенными методами он подавлял множество различных форм анархии в Норвегии; особенно был занят борьбой с язычеством (поклонением дьяволу и его обрядами): это, действительно, можно назвать фокусом и сердцем всех его королевских усилий в Норвегии и всех проблем, которые у него сейчас были со своим народом там. Ибо это был серьезный, жизненно важный, всеобъемлющий вопрос; поклонение дьяволу, вещь, которую нельзя терпеть ни на минуту дольше, чем вы могли бы помочь каким-либо методом! Успехи Олафа были непостоянными, разной степени выраженности; но его усилия, быстрые или медленные, были сильными и постоянными; и в целом он действительно добился успеха. Возьмем один—два примера этого замечательного процесса преобразования:-

На одном из своих первых мероприятий он обнаружил, что все бондеры собрались с оружием в руках; казалось, они были настроены насмерть против его предложения и против него самого. Триггвесон говорил мало; он бесстрастно ждал: "Каковы ваши доводы, добрые люди?" Один рьяный сторонник Бондинга разразился страстным парламентским красноречием, но после одной-двух фраз не выдержал; один, потом другой, и еще один, и все трое застыли, уставившись на происходящее в молчании с открытыми ртами! Крестьяне-собственники восприняли это явление как нелепое, возможно, отчасти даже как чудо, и на этот раз согласились на крещение.

В другой раз бондари шумно пригласили короля Олафа Трюггвесона, собравшегося возле какого-то языческого храма, чтобы встретиться с ним, — храма, где Хакон Ярл проделал большой ремонт и установил множество фигурок идолов и роскошных украшений, не считаясь с затратами, особенно очень большого и великолепного Тора с массивным золотым ошейником на шее, подобного которому нет в Норвегии, — войти туда, просветить его глаза и принять участие в священных обрядах. Вместо этого он ворвался в храм со своими вооруженными людьми; одним ударом своего собственного боевого топора сразил бога Тора, распростертого на земле, чтобы подать пример; и за несколько минут разрушил весь Пантеон Хаконов; тем временем собрал все золото и драгоценности, накопленные там (не забыв о знаменитом золотом ошейнике Тора, о котором мы еще услышим), и победоносно забрал добычу с собой домой для своих собственных королевских нужд и на благо государства. В других случаях, хотя он и был сторонником решительных мер, ему приходилось сдерживаться и ждать благоприятного момента. Так, однажды, начиная парламентскую речь, как только он коснулся христианства, бондари подняли ропот, возгласы и бряцание оружием, которые совершенно заглушили королевский голос; они заявили, что подняли оружие против короля Хакон Доброго, чтобы заставить его отказаться от своих христианских предложений; и они не считали короля Олафа более высоким человеком, чем он (Хакон Добрый). Затем король сказал: "Он намеревался приехать к ним на следующее Рождество на их великий жертвенный пир, чтобы

лично увидеть, каковы их обычаи", что на этот раз успокоило бондарей. Назначенным местом встречи снова был храм Хакона-ярла, еще не полностью разрушенный; полагаю, главная святыня в тех краях Трондхьема: там должен был появиться Трюггвесон на Святки. Что ж, но перед наступлением Йоля Триггвесон устроил грандиозный пир в своем дворце в Трондхьеме и пригласил туда в качестве гостей самых разных важных персон со всей округи. Едва закончился банкет, Триггвесон подал какой-то слабый сигнал, по которому вошли вооруженные люди, схватили одиннадцать из этих главных персон, и король сказал: "Поскольку ему самому предстояло снова стать язычником и совершать жертвоприношения, его целью было совершить это в высшей форме, а именно в виде Человеческих жертвоприношений; и на этот раз не рабов и злоумышленников, а лучших людей страны!" При таких суровых обстоятельствах одиннадцать захваченных лиц и компания в целом дали единодушное согласие на крещение; они сразу же приняли то же самое и отреклись от своих идолов; но им не разрешили вернуться домой, пока они не оставили в руках короля достаточное количество заложников в лице сыновей, братьев и других драгоценных родственников.

Неустанным трудом этого и лучших видов Триггвесон растоптал идолопоклонство, насколько это касалось формы, — насколько по существу, можно сильно сомневаться. Но при этом следует помнить, что за этими вынужденными авантюрами всегда следовали английские епископы, священники и проповедники; благодаря чему для непредубежденных была достижима убежденность во всех ее степенях, в то время как молчание и пассивность становились долгом или необходимостью для неубежденной стороны.

Примерно через два года вся Норвегия была охвачена жестокими муками обращения. Язычество, по крайней мере, вынуждено быть молчаливым и внешне покладистым. Триггвесон, который затем обратил свое внимание на Исландию, послал некоего Тангбранда, священника из Саксонии, обладавшего замечательными качествами, как военными, так и богословскими, попытаться обратить Исландию в свою веру. Тангбранд обратил в свою веру нескольких человек, ибо у Олафа уже было много уважаемых исландских друзей, которые ему очень нравились и которыми он пользовался; и обращение в веру было прямой дорогой к его благосклонности. Тангбранд, как я обнаружил, поселился в Зале Сиды (близкий знакомый "Сожженного Ньяла", Сага о котором даже сейчас имеет своих поклонников среди нас). Тангбранд обратил в свою веру Холла и еще одного или двух ведущих людей; но в целом его считали скорее сварливым и буйным, чем красноречивым и благочестиво убедительным. Два известных скальда выступили с едкими пасквилями в адрес Тангбранда, которого Тангбранд, воспользовавшись двумя предоставленными возможностями, зарубил и убил из-за их скальдических качеств. Другого он убил собственноручно, я не знаю, по какой причине. Короче говоря, примерно через год Тангбранд вернулся в Норвегию к королю Олафу, объявив исландцев порочным, насмешливым и необратимым народом, поскольку сам, как говорится в записях, "стал причиной смерти там трех человек". Король Олаф был в сильном гневе от такого результата, но исландцы, окружавшие его, убедили его попробовать еще что-нибудь, и прибегнуть к более дикому средству. Соответственно, он выбрал некоего Тормода, благочестивого, терпеливого и доброго человека, который в течение следующего года или около того действительно добился своего; а именно, добился принятия христианства путем открытого голосования, провозглашенного на Тингвалле тамошним всеобщим собранием Исландии; раскат сильного грома в нужный момент, насколько я помню, скорее помог заключению. После чего радость Олафа, без сомнения, была велика.

Одним из общих результатов этих успешных операций стало недовольство во всех степенях со стороны многих норвежцев этим славным и победоносным, но властным и ужасным их королем. Триггвесон, как мне кажется, не придавал большого значения всему этому; человек веселого нрава, обычно презиравший опасность. Еще одно тривиальное несчастье, случившееся во время этих конверсионных операций и ставшее для него важным, о котором он даже не знал, а если бы и знал, то сильно презирал бы. Дело было вот в чем: Сигрид, вдовствующая королева Швеции, считавшаяся одной из самых ярких женщин мира, также была известна как одна из самых властных, мстительных и безжалостных, и получила для себя имя Сигрид Гордая. За время своего вдовства у нее, естественно, было много ухажеров, но обращалась она с ними беспрецедентным образом. Двумя ее поклонниками, причем Двумя одновременно, были король Харальд Гренске (двоюродный брат короля Трюггвесона и что-то вроде короля в какой-то округе с попустительства покойного Хакона), — этот незадачливый Гренске, а также тогдашний российский государь, имя которого не стоит упоминать, были ревностными поклонниками вдовствующей королевы Сигрид и упрямо не спешили принимать негатив, который в ее сердце был неумолим для обоих, хотя выражение этого не могло быть столь решительным. К несчастью для них, они приехали разом — с дальнего Запада, Гренске; с дальнего Востока, русский; — и прибыли оба вместе ко двору Сигрид, чтобы удовлетворить свою назойливость и удовлетворить ее гнусный и утомительный иск; во многом, насколько во многом, к ее нетерпению и презрению. Она поселила их обоих в каком-то старом особняке, к которому примыкала, и со вкусом обставила для них; и там, я не знаю, в первую или во вторую, или в какую следующую ночь, эта несравненная королева Сигрид приказала окружить дом, поджечь, а двух женихов и их людей сжечь дотла! По крайней мере, эти двое больше не доставляют беспокойства! Похоже, это факт; и Триггвесону это не могло быть неизвестно.

Несмотря на это, однако, от Триггвесона, который теперь был вдовцом, поступило несколько зарождающихся предложений руки и сердца этой гордой вдове; которой они были приняты благосклонно; как от самого умного человека на свете, они могли показаться стоящими того. Теперь, во время одного из этих антиязыческих нападений короля Олафа на храмы идолов Хакона — (я думаю, что это был тот случай, когда собственный боевой топор Олафа сразил чудовищного сверкающего Тора и снял огромное золотое кольцо с его шеи или с дверей его храма), — огромное золотое кольцо, во всяком случае, попало в руки Олафа; и он подумал, что это могло бы стать прекрасным подарком королеве Сигрид, ныне благосклонной, хотя и гордой. Сигрид с радостью приняла кольцо; она представила, какой ошейник получится из него для ее прекрасной шеи; но заметила, что двое ее ювелиров, взвешивая его на пальцах, переглянулись. "Что это?" - воскликнула королева Сигрид. "Ничего", - ответили они или попытались ответить, опасаясь беды. Но Сигрид заставила их разломать кольцо; и там было найдено, по всей внутренней стороне, оккультное кольцо из меди, а вовсе не золотое сердечко! "Ха, - сказала гордая королева, отбрасывая его прочь, - тот, кто смог обмануть в этом вопросе, может обмануть и во многих других!" И была в горячем гневе на Олафа, хотя постепенно ее мысли снова стали мягче.

Более мягкие мысли, скажем мы; и согласились встретиться следующей осенью на какой-нибудь полустанке, где их великое дело могло бы завершиться счастливым соглашением и помолвкой. И Олаф Триггвесон, и верховная вдова, по-видимому, были настроены на эту встречу сносно; но Олаф вмешался, что всегда было для него одним условием: "Ты должен согласиться на крещение и отказаться от своих идолов-богов". "Это боги всех моих предков, - ответила дама, - выбирай себе каких хочешь богов, но оставь мне моих". После чего началась

перепалка; и Триггвесон, по своему обыкновению, воспрянул духом от гнева и наконец воскликнул: "Почему же тогда я должен беспокоиться о тебе, старое поблекшее языческое создание?" И, нетерпеливо взмахнув перчаткой, ударил ее или слегка подтолкнул ею по лицу и, презрительно отвернувшись, вышел из приключения. "Это подвиг, который однажды может дорого тебе обойтись", - сказала Сигрид. И в конце концов дело дошло до этого, хотя великолепный Олаф и не соизволил подумать об этом в данный момент.

Одна из последних потасовок, которые, как я помню, были у Олафа с его непокорными язычниками, произошла на Мероприятии в Хордаланде или Рогаланде, далеко на Севере, где главным героем оппозиции был некто Йернскегг ("железная борода") Скоттис ("Воздушный шах", так сказать!). Здесь снова был величественный языческий храм, здание Хакона Ярла, с великолепным Тором в нем и множеством идольской мебели. Король изложил то, что было его постоянным желанием здесь, как и везде, но не успел затронуть тему христианства, как всеобщий ропот, переросший в лязг и яростное несогласие, прервал его, и Железная Борода продолжил речь в ответ. Железная Борода не сломался; напротив, он с большой краткостью, подчеркиванием и ясностью дал понять, "что предложение отвергнуть их старых богов было в высшей степени неприемлемо для этого Дела; что, к тому же, это противоречило сделке; так что, если бы на этом настаивали, им пришлось бы драться из-за этого с королем; и фактически теперь они были готовы это сделать". В ответ на это Олаф, не произнеся ни слова, а просто подав какой-то сигнал верным вооруженным людям, которые были с ним, бросился к храму неподалеку; ворвался в него, закрыв за собой дверь; разгромил Тора и Компанию до основания; затем, вернувшись с победой, обнаружил снаружи много беспорядка и, в частности, то, что было самым важным предметом, сурового Железнобородого, забитого до смерти людьми Олафа за это время. Что полностью обескуражило Тварь в тот момент от сражения; теперь у нее не было лидера, который осмелился бы возглавить их в столь опасном предприятии. Так что каждый удалился, чтобы переварить свой гнев в тишине, насколько это было возможно.

После того, как дела остыли на неделю или две, состоялось еще одно заседание; на котором король Олаф выразил сожаление по поводу разгоревшейся ссоры, готовность выплатить то, что *много* причиталось по закону за то злополучное убийство Железной Бороды его народом; и, кроме того, взять в жены прекрасную дочь Железной Бороды, если все согласятся и будут дружить с ним в других вопросах; такой ход был выбран как наиболее удобный: прими крещение, мы; женись на дочери Йернскегга, ты. Эта сделка была выгодна обеим сторонам. Свадьба тоже была отпразднована, но приняла довольно странный оборот. Утром в ночь бракосочетания Олаф, который не спал, хотя его прекрасная партнерша думала, что он спал, открыл глаза и с изумлением увидел, что прекрасная партнерша нацеливает на него длинный нож, готовый нанести удар в цель! Что сразу же положило конец их супружеской жизни; бедная demuазель Железная Борода немедленно отправилась со своими слугами домой; король Олаф вошел в покои своих слуг, рассказал там о случившемся и запретил кому-либо из них следовать за ней.

Олаф Трюггвесон, хотя его королевство было самым маленьким из Трех скандинавских, приобрел известность во всем скандинавском мире, с которой ни он, Датчанин, ни он, Швеция, не могли соперничать. Великолепный, далеко идущий человек; более искусный во всех "телесных упражнениях", как называют их норвежцы, чем кто-либо другой до него или после. Мог держать в воздухе пять кинжалов, всегда ловя нужный пятый за рукоятку и снова посылая

его вверх; мог превосходно стрелять, метать копье обеими руками; и, фактически, в бою обычно метал два одновременно. Все это, включая плавание, скалолазание, прыжки, было в то время замечательным Изобразительным искусством Севера; во всем этом Триггвесон, по-видимому, был Рафаэлем и Микеланджело одновременно. По сути, это тоже поддается определению, если мы хорошенько взглянем в него, как в дикую частицу настоящего героизма, в таком грубом обличье и окружении; высокая, истинная и великая человеческая душа. К тому же в нем был веселый взрыв смеха; яркая, воздушная, мудрая манера речи; красиво и тщательно одетый; человек, которым восхищались и которого чрезвычайно любили те, кто ему нравился; которого смертельно боялись те, кто ему не нравился. "Вряд ли какому-либо королю, - говорит Снорро, - когда-либо так хорошо повиновались: одни люди из усердия и любви, остальные из страха". Однако его славному пути было суждено продлиться недолго.

Король Свейн Двубородый еще не завершил свое завоевание Англии — ни в коем случае, еще впереди у него было около тринадцати ужасных лет! — когда, находясь в Дании, он обнаружил, что жалобы на него и сложности возникли главным образом со стороны некоего Бурислава, короля Вендов (далеко вверх по Балтике), и в меньшей степени со стороны короля Швеции и других второстепенных лиц. Свейн усердно старался уладить эти вопросы и освободить свои руки. Бурислав, пожилой джентльмен-язычник, оказался разумным и миролюбивым; то же самое сделали король Швеции и вдовствующая королева Сигрид, его мать-распорядительница. Сделка в обоих этих случаях была скреплена и увенчана браком. Свейн, который недавно овдовел, теперь женился на Сигрид; и, вполне возможно, он мог бы подумать, что заключил выгодную сделку, хотя и языческую. Бурислав также настоял на браке с принцессой Тири, сестрой Двубородого. Тири, которой невыразимо не хотелось выходить замуж за престарелого язычника такого склада, упорно умоляла своего брата; но Двубородый был неумолим; стенания и мольбы Тири остались напрасными. С каким-нибудь приемным братом-опекуном и одной-двумя служанками ей пришлось отправиться в это ненавистное путешествие. Старый Бурислав, увидев ее, загорелся необычайным великолепием свадебного пира и был очарован ее появлением; но Тири не захотела присоединиться к свадебному пиршеству; отказалась есть вместе с ними или вообще сидеть рядом. День за днем, в течение шести дней, она наотрез отказывалась; а после наступления темноты шестого числа ускользнула со своим молочным братом в лес, по закоулкам и непостижимым блужданиям; и, в сущности, вернулась домой, в Данию. Брата Свейна в данный момент там не было; вероятно, он снова уехал в Англию. Но Тири слишком хорошо знала, что он не позволил бы ей остаться здесь или где-либо еще, где он мог бы помочь, кроме как со старым язычником, от которого она только что сбежала.

Тири, оглядев мир, не видела для себя иного пути, кроме как к Олафу Трюгвесону в Норвегию; просить защиты у самого героического человека, которого она знала в мире. Олаф, кроме как по известности, не был ей известен; но по известности он был вполне известен. Олаф, увидев ее, пообещал защиту и убежище от всех смертных. Более того, беседуя с Тири, Олаф все яснее понимал, каким прекрасным существом душой и телом была Тири; и вскоре сделал предложение руки и сердца Тири, которая смиренно, и мы можем себе представить, с какой тайной радостью согласилась сказать "да" и стать королевой Норвегии. В положенные месяцы у них родился маленький сын Харальд; который, как достоверно известно, был радостью обоих своих родителей; но который, к их невыразимому горю, примерно через год умер и исчез от них. Это и еще один факт, о котором сейчас следует упомянуть, - вот и вся имеющаяся у нас семейная история Тири.

Другой факт заключается в том, что Тири получила по наследству или по завету, независимо от ее брака со старым Буриславом, значительную собственность в Вендланде; что, как она часто размышляла, могло быть не в последнюю очередь приличествует ей здесь, в Норвегии, где ее гражданский список, вероятно, был весьма ограниченным. Она рассказала об этом своему мужу, но муж не стал настаивать, просто сделал ей подарки и сказал: "Пух, пух, неужели мы не можем жить без старого Бурислава и его владений в Вендланде?" Так что леди погружалась во все более глубокую тревогу и рвение по поводу этого вендландского объекта; начала плакать; плакала целыми днями; и когда Олаф спросил: "Что же тогда с тобой?" ответил бы или действительно ответил когда-то: "Каким другим человеком был мой отец Харальд Гормсон [в просторечии называемый Синезубым] по сравнению с теми, кто сейчас короли! Ибо ни один король-свейн в мире, Харальд Гормсон, не отказался бы от своих собственных законных прав или прав своей жены! После чего Трюггвесон вскочил, воскликнув с жаром: "Твоего брата Свейна я никогда не боялся; если мы со Свейном сойдемся в поединке, то, я полагаю, победит не Свейн", - и ушел, окутанный клубами дыма. Однако, в конце концов, согласился, должен был согласиться снарядить свой прекрасный флот и принять решение отправиться с ним в Вендланд, чтобы поговорить и заключить соглашение с королем Буриславом.

У Трюггвесона уже были корабли и военно-морской флот, которые были чудом Севера. Особенно в строительстве военных кораблей "Журавль", "Змей" и, наконец, "Длинный змей", 7— по размерам, внешней красоте и внутреннему совершенству оборудования он превосходил все примеры.

Эта новая морская экспедиция стала объектом внимания всех соседей; особенно внимательно отнеслись к ней королева Сигрид Гордая и Свейн Двойная Борода, ее нынешний король.

"Этот наглый Трюггвесон, - часто говорила королева Сигрид и уже давно говорила своему свейну, - женился без разрешения на твоей сестре, а теперь выставляет напоказ свой военный флот, как будто он, король всего лишь ничтожной Норвегии, был великим героем Севера! Почему вы терпите это, вы, действительно великие короли?"

Таковыми уговорами и повторениями король Дании Свейн, король Швеции Олаф и ярл Эрик, ныне там великий человек, разбогатевший благодаря успешному морскому разбою и другому хорошему управлению, были вынуждены взяться за дело и энергично объединиться для уничтожения короля Олафа Трюггвесона в его грандиозной экспедиции в Вендланд. Флот и силы были подготовлены с величайшим усердием; и, кроме того, некий ярл Сигвальд из Йомсбурга, вождь йомсвикингов, могущественный, надежный и хитрый человек, был назначен изыскивать способы присоединиться к великому походу Трюггвесона, втереться в доверие к Трюггвесону и держать свейна Двубородого, Эрика и шведского короля в курсе всех его передвижений.

Король Олаф Трюггвесон, не знавший всего этого, летом отплыл со своим великолепным флотом; прошел через Пояса с благоприятными ветрами, под ясным небом, к восхищению жителей обоих берегов. Такого флота, с его сверкающими Змеями, длинными и короткими, с совершенством оснащения и внешнего вида, Балтика никогда раньше не видела. Кстати, ярл Сигвальд присоединился к нам с новыми кораблями: "Ему тоже нужно было нанести визит королю Буриславу; как он мог сделать это в лучшей компании?" и старательно и искусно втерся в доверие к королю Олаву. Старый Бурислав, когда они прибыли, оказался в высшей степени вежливым, красивым и сговорчивым; сразу согласился с притязаниями Олафа на свою

нынешнюю королеву, со всей щедростью выполнил обряд гостеприимства по отношению к Олафу; который с радостью возобновил знакомство с этой страной, известной ему с давних времен (колыбелью его богатства в роду викингов), и обнаружил, что старые друзья там все еще живы, радостные от встречи с ним снова. Ярл Сигвальд поощрял эти задержки, поскольку король Свейн и Компания были еще не совсем готовы. "Приготовьтесь!" Сигвальд направлял их, и они усердно выполняли. Людям Олафа, которые теперь закончили свои дела, не терпелось поскорее вернуться домой; и они жалели о том, что приходится там торчать каждый день; но пока Сигвальду не понравилась его способность льстить и задабривать Триггвесона, они не могли уйти.

Наконец тайные гонцы Сигвальда доложили, что со стороны Свейна и Компании все готово, Олаф попрощался с Буриславом и Вендландом, и все с радостью отплыли. Свейн, Эрик и шведский король со своими объединенными флотами затаились в засаде за каким-то мысом в безопасной маленькой бухте какого-то острова, тогда называвшегося Свольде, но в наше время не обнаруженного; волнения на Балтике в четырнадцатом веке поглотили его, как некоторые думают, и оставили нас неуверенными, находился ли он по соседству с островом Рюген или в проливе Эльсинор. Там лежали Свейн, Эрик и Компания, ожидая, пока подойдет Трюггвесон со своим флотом, а гонцы-шпионы Сигвальда ежедневно докладывали, каких успехов достигли он и его команда. Наконец, одним ярким летним утром появилась флотилия, плывущая в разрозненном порядке, Сигвальд, как человек, знакомый с мелководными местами, держал курс впереди и показывал им дорогу.

Снорро впадает в один из своих живописных припадков, охваченный энтузиазмом при мысли о таком флоте, и сообщает нам в основном, в каком порядке двигались крылатые "Бегуны глубин" Триггвесона, длинными рядами, возможно, в течение часа или больше, и что три властителя со своего наблюдательного пункта говорили о каждом, когда они появлялись в поле зрения, Свейн трижды угадывал, что это и другое благородное судно - "Длинный Змей"; Эрик всегда поправлял его: "Нет, это еще не "Длинный Змей"". (и всегда в сторону): "И ты не будешь господином над этим, король, когда это произойдет". Появился сам Длинный Змей. Эрик, Свейн и шведский король поспешили на борт и вышли из своего укрытия в открытое море. Вероломный Сигвальд в начале всего этого внезапно обогнул их мыс и вошел в бухту, скрывшись из виду, оставив передовые корабли Триггвесонов в изумлении и растерянности, не зная, что делать, если не просто поднять паруса и ждать, пока не прибудет сам Олаф с Длинным Змеем.

Главные военачальники Олафа, видя, что огромный флот противника выходит в море, и то, как обстоят дела, настоятельно посоветовали королю Олафу уклониться от этого предательства и на всех парусах держаться прежнего курса, поскольку битва теперь шла на столь неравных условиях. Снорро говорит, что король, стоявший высоко на шканцах, где он стоял, ответил: "Поднимите паруса; никогда моим людям не придет в голову бежать. Я никогда не бежал с битвы. Пусть Бог распоряжается моей жизнью, но бегства я никогда не совершу". И вот немедленно начались приготовления к сражению, и битва разгорелась со всей яростью; и длилась час за часом, почти до захода солнца, если я хорошо помню. "Олаф стоял на шканцах "Змея", - рассказывает Снорро, - высоко над остальными. У него был позолоченный щит и шлем, инкрустированный золотом; поверх доспехов на нем был короткий красный плащ, и его легко было отличить от других мужчин". Рассказ Снорро о битве в целом оживлен, графичен и настолько подробен, что антиквары, при желании (чего у нас очень мало), могут почерпнуть из него сведения о методах норвежского морского боя: их стрельбе из лука, метании дротиков,

бросании больших камней, в конечном счете абордаже, взаимных столкновениях и крушении, о которых нам здесь говорить бесполезно. Олаф весь день стоял на виду, метая смертоносные дротики обеими руками сразу; подбадривая, сражаясь и командуя, как высший морской король.

С датским флотом и шведским флотом они быстро разобрались и последовательно отступили за пределы досягаемости выстрела. И тогда подошел ярл Эрик и яростно сцепился с Длинной Змеей, или, скорее, с окружавшими ее товарищами; и постепенно, по мере того как у них не оставалось людей, с самой Длинной Змеей. Бой становился все ожесточеннее, яростнее. Эрику предоставили новых людей из шведов и датчан; у Олафа не было таких ресурсов, кроме экипажей его собственных разбитых кораблей, и в конце концов и это его подвело; все его корабли, кроме "Длинного змея", были разбиты и опустошены. Олаф сражался непреклонно. Эрик дважды атаковал его, дважды был отбит. Олаф удерживал свой квартердек; непобедимый, хотя теперь он становился все более и более безнадежным, ему смертельно не хватало помощи. Высокий молодой человек по имени Эйнар Тамберскелвер, впоследствии очень знаменитый и влиятельный в Норвегии, и уже тогда лучший известный лучник, был занят своим луком. Дважды он чуть не застрелил ярла Эрика на его корабле. "Пристрели мне этого человека", - сказал ярл Эрик стоявшему рядом с ним лучнику; и как раз в тот момент, когда Тамберскелвер натягивал лук в третий раз, стрела попала ему в середину и переломила надвое. "Что это разбилось?" - спросил король Олаф. "Норвегия от твоей руки, король", - ответил Тамберскелвер. Люди Трюггвесона, как он с удивлением заметил, яростно били по людям Эрика, но безрезультатно: никто не упал. "Как это?" - спросил Трюггвесон. - Наши мечи зазубрены и затуплены, король; они не режут. Олаф наклонился к своему нарукавнику; достал новые мечи; и было замечено, как при этом из его запястья потекла струйка крови; но никто не знал, где была рана. Эрик поднялся на борт в третий раз. Олаф, оставшись всего с одним человеком, прыгнул за борт (видно, что его красный мундир все еще поблескивает в лучах вечернего солнца) и погрузился в глубокие воды, чтобы надолго упокоиться.

Среди его народа ходили слухи, что он все еще жив; основываясь на каком-то движении кораблей этого предателя Сигвальда, они вообразили, что Олаф нырнул под кили своих врагов и ушел с Сигвальдом, как, очевидно, и сам Сигвальд. "На многое надеялись, предполагали, говорили, - говорит один старый скорбящий скальд, - но правда заключалась в том, что Олафа Трюггвесона больше никто не видел в Норселанде". Странно, но он до сих пор остается для нас яркой фигурой; самый красивый мужчина телом и душой, о котором когда-либо слышали на Севере.

ГЛАВА VIII. ЯРЛЫ ЭРИК И СВЕЙН.

Ярл Эрик, прославленный этой победой, не говоря уже о том, что давным-давно одержал ее над йомсбургами вместе со своим отцом, теперь был назначен губернатором Норвегии:

губернатором или квазисувереном, вместе со своим братом ярлом. Свейн, как партнер, который, однако, почти не принимал участия в управлении; — и, под покровительством свейна Двубородого и тогдашнего шведского короля (его звали Олаф, Сигрид Гордая, его матери), управлял им, как говорят, со знанием дела и осмотрительностью более четырнадцати лет. Считается, что смерть Трюггвесона произошла в 1000 году; но в этих событиях нет точной хронологии, а есть постоянные неуверенные догадки после таких событий; так что один глаз в Истории в отношении них как будто выколот; на самом деле, мне еще не посчастливилось найти какую-либо дешифруемую и вразумительную карту Норвегии; так что другой глаз Истории к тому же сильно ослеплен, и ее путь через те дикие регионы и эпохи чрезвычайно смутен и хаотичен. Зло, которое требует исправления, и особенно какой-то первой попытки исправления, со стороны исследователей английской истории; весь период от Эгберта, первого саксонского короля Англии, до Эдуарда Исповедника, последнего, повсюду полностью переплетен с периодом их таинственных, постоянно вторгающихся "датчан", как они их называют, и неразрывно непонятен, пока они также не станут немного поняты и перестанут быть для нас совершенно темными, отвратительными и мифическими, какими они являются сейчас.

Король Олаф Трюггвесон - первый норвежец, о пребывании которого в Англии прямо упоминается в наших английских учебниках истории, новых или старых; и о нем просто говорится, что у него была беседа с королем Этельредом II. в Андовере, миролюбивого и дружелюбного характера, — хотя абсурдно добавляется, что благородный Олаф был обращен в христианство этой чрезвычайно глупой Особой королевской крови. Большого контраста в интервью, чем в этом, в Андовере, между героическим Олафом Триггвесоном и Этельредом вечно Неготовым, пожалуй, не было видно на планете земля в тот день. Олаф, или "Олаус", или "Анлаф", как они его называют, "покаялся Этельреду больше не вторгаться в Англию" и сдержал свое обещание, говорят они далее. По сути, это была правда, как мы уже знаем, хотя обстоятельства были совсем другими; и обещание было дано набожному Первосвященнику, а не коронованному Болвану и трусливому бездельнику. Еще один "Олаус", которого я нахожу упомянутым в наших Книгах, был два или три столетия назад, в то время, когда такой личности не существовало; не говоря уже о нескольких анлафах, которые иногда, кажется, имеют в виду Олафа, а еще чаще - никого возможного. Что вызывает немалую неясность в нашей ранней истории, говорит ученый Селден. Дело тоже поправимое, и если бы им занялся какой-нибудь англичанин с должным гением (или даже способный к постоянному труду), понимающий исландский и англосаксонский языки, он мог бы принести много пользы и привести дело в сравнительно ясное состояние. Тщетные стремления — или, возможно, не совсем тщетные.

Ко времени смерти Олафа Триггвесона, да и задолго до этого, король Свейн Двубородый всегда считал главным предприятием завоевание Англии и следовал за ним приступами крайней ярости и импульсивности; часто в значительной степени продвигаясь к успешному завершению; но ни разу за тринадцать лет так и не довел его до конца. Он уже давно владел всей Англией к северу от Уотлинг-стрит. Иными словами, Нортумберленд, Восточная Англия (естественно, к тому времени там было полно датских поселенцев) неизменно принадлежали ему; Мерсия чаще всего принадлежала ему, чем нет; сам Уэссекс со всеми побережьями он мог свободно посещать, жечь и грабить по своему усмотрению. Ни там, ни где-либо еще Этельред Неготовый не имел ни малейшей возможности сражаться; и в течение сорока лет после начала его правления Англия отличалась анархической глупостью, убийственным опустошением, крайней нищетой, пошлостью и вялым презрением ко всем странам, о которых мы читали. К тому же, по-видимому, это была очень богатая страна; здесь прекрасно разбирались во всех

искусствах, какие только существовали; говорят, что даже на кораблях Свейна были золотые драконы, вымпелы на топ-мачтах и другие металлические украшения, которые обычно изготавливались для них в Англии. "Беспрецедентное процветание" в сфере производства, казалось бы, там небывалое! Но сосуществующее с таким духовным банкротством, которое, хотелось бы надеяться, также было беспрецедентным. Прочтите удивительную *проповедь* архиепископа Йоркского Люпуса (Вульфстана) на эту тему, [8](#) обращенную к современной аудитории; в ней излагается такое положение вещей, что сыновья продают своих отцов, матерей и сестер в рабство датскому разбойнику; сами живут в разврате, буйном обжорстве и разврате; подробности которого почти невероятны, хотя и четко изложены как общеизвестные вещи, — юмор этих бедняг опустился до состояния того, что мы можем назвать сальным отчаянием: "Пусть они продадут своих отцов, матерей и сестер в рабство датскому разбойнику". будем есть и пить, ибо завтра мы умрем". То, как они обращались со своими собственными английскими монахинями, пусть молодыми, симпатичными и попавшими в плен к датчанам; покупая их по некоему грубому или полужесткокоственному "Принципу величайшего счастья" (на данный момент) и по Акционерному соглашению, намного превосходит всякую человеческую речь или воображение и пробуждает в человеке мимолетную жгучую мысль: "Датчане сослужили вам хорошую службу, проклятые!" Так называемые солдаты, как выясняется, ни в малейшей степени нигде не сражались; они вообще ничего не могли предпринять, какими бы ведомыми и направляемыми они ни были, а "генералы", довольно часто предатели, всегда невежественные и болваны, имели привычку, когда им прямо приказывали сражаться, принимать лекарства и заявлять, что природа неспособна на касторовое масло и битву одновременно. Это следует немного объяснить современным англичанам и их военным министрам, которые берут на себя руководство армиями. Неоспоримым фактом является то, что поражение за поражением было постоянной участью англичан; за эти сорок лет не было ни одного сражения, в котором они не потерпели бы поражения. Никакого проблеска победы или реального сопротивления, пока благородный Эдмунд Айронсайд (которому я всегда удивляюсь, как такой Этельред мог стать моим сыном) не появился и не пробежал свой короткий путь, подобно огромному и далеко видимому метеору, вскоре погасшему безрезультатно. В то ужасное время у Англии не было другого выхода, кроме как ежегодно спрашивать победоносных, грабящих, сжигающих и убивающих датчан: "Сколько денег вы возьмете, чтобы уехать?" Тридцать тысяч фунтов серебром, до которых вскоре вырос ежегодный *Данегельт*, по-прежнему оставались примерно среднегодовой суммой, хотя в целом увеличивались; за последний год, я думаю, они выросли до семидесяти двух тысяч фунтов серебром, ежегодно взимаемых за счет налога (подходного налога такого рода, взимаемого грубо), наихудшего из всех средств, годного только на сегодняшний день. Нет, было одно средство еще хуже, которое несчастный Этельред однажды испробовал: истребить "всех датчан, поселившихся в Англии" (фактически, несколько тысяч или сотен из них), путем предательства и своего рода сицилийской вечерни. Который выдан, как это обычно бывает в подобных вещах, в ужасном предупреждении, чтобы вы больше не пробовали ничего подобного! Вызвано, а именно, удвоенной яростью датчан; новым, еще более ожесточенным вторжением ярла Свейна Торкеля; затем самого Свейна; в результате чего последний загнал несчастного Этельреда с женой и семьей в Нормандию, к брату жены, тамошнему герцогу; и положил конец этой жалкой борьбе, когда Свейн сам стал королем Англии. Относительно этой позорной резни, которая, как представляется, была сильно преувеличена в английских книгах, мы можем с радостью указать точную дату (1002 г. н.э.); а также победоносного восшествия на престол Свейна (1013 г. н.э.),

9— практически единственное преимущество, которое можно извлечь из созерцания такого набора объектов.

Первым действием короля Свейна было введение чудовищно возросшего подоходного налога на содержание своей армии. Свейн взимал его с непоколебимым усердием, но еще не закончил взимать, когда однажды ночью в Гейнсборо он внезапно умер; как говорили, насмерть сраженный святым Эдмундом, убитым королем Восточных Англов; который не мог вынести, что его святыня и монастырь Святого Эдмундсбери разграблены сборщиками налогов тирана, поскольку они были награницей существования. Однако это было совершенно невозможно — смерть самого Эдмунда наступила только через два года после смерти Свейна. Смерть Свейна, независимо от причины, случилась в 1014 году; его флот тогда стоял в Хамбере; и только Кнут, ¹⁰ его старший сын (некоторые считают, что ему едва исполнилось восемнадцать), отвечающий за него; который после короткого совета и договоренности по поводу своего сомнительного королевства снялся с якоря; направился в Сандвич, более безопасную на данный момент станцию; "отрезал ноги и носы" (содрогаешься и надеешься, что нет, в этом есть некоторая нестыковка!) своим многочисленным заложникам, которые были доставлены королю Свейну; посадил их в тюрьму. сошел на берег; — и направился в Данию, свое естественное хранилище и оплот, как самое обнадеживающее первое, что он мог сделать.

Вскоре Кнут вернулся из Дании с увеличением сил, достаточным для решения английской проблемы; последнюю он теперь завершил победоносным и, по сути, благотворным для себя и хаотичной Англии образом. Мало-помалу стал широко известен там и в других местах как Кнут Великий; и судьи наших дней считают, что он действительно заслужил этот титул. Самый ловкий, наносящий резкие удары, ясно мыслящий, благоразумный и эффективный человек, который управлял этой расчлененной и сбитой с толку Англией в ее церковных делах, в ее государственных делах, как настоящий король. Имел Постоянную армию (*Дом Карлесов*), которой хорошо платили, которая была хорошо обучена и дисциплинирована, способная мгновенно подавить восстание или нарушить мир; и благочестиво стремился (с показательной серьезностью и даже набожностью, если хорошенько присмотреться) воздать должное всем людям и сделать так, чтобы все люди были довольны справедливостью. Одним словом, он успешно связал всеми верными методами и установлениями эту жалкую, растерзанную массу истекающей кровью Анархии во что—то достойное того, чтобы снова называться Англией; только он умер слишком рано, и второй наш "Завоеватель", еще более мощный по структуре и под улучшенным покровительством, стал возможным и был необходим здесь! Судя по всему, сам Кнут мог бы стать Карлом Великим Английским и Северным (как уже было сказано или процитировано), если бы прожил всего вдвое дольше. Но общая сумма его лет, кажется, не превышала сорока. Считается, что его отцу, Свейну Раздвоенной Бороды, было от пятидесяти до шестидесяти, когда святой Эдмунд прикончил его в Гейнсборо. Теперь мы возвращаемся в Норвегию, пристыженные этим долгим путешествием, которое в той или иной степени было прогулом.

ГЛАВА IX. ДНИ ВИКИНГОВ КОРОЛЯ ОЛАФА КОРЕНАСТОГО.

Король Харальд Гренский, который вместе с другим выходцем из России, случайно остановившимся рядом с ним, сгорел заживо в Швеции, ухаживая за этой невыразимой Сигрид Гордой, был троюродным братом Трюгве, отца нашего героического Олафа. Если быть точным, он правнук Бьорна Чапмена, первого из сыновей Хаарфагра, с которым расправился Эрик Кровавый Топор. Его маленьким "королевством", как он его называл, была область под названием Гренландия (*Гренландия*); сам он был одним из тех маленьких харфагрских корошков, которым Хакон ярл, а тем более Олаф Трюгвесон, был рад оставить правление, поскольку они поддерживали с ним мир. У Харальда была собственная любящая жена, ее звали Ааста, вскоре ожидавшая рождения ее и его прелестного малыша по имени Олаф, — в то время, когда он, глупое, обреченное создание, отправился в ту прискорбную шведскую авантюру и покончил с собой и королевством в целом. Ааста была сильно потрясена; однако взяла себя в руки; вышла замуж за нового мужа, Сигурда Сира, королек и правнук Харальда Прекрасноволосого, человека огромного богатства, благоразумия и влияния в этих странах; в доме которого, как любимый пасынок, маленький Олаф был воспитан здоровым и умелым. Кроме того, в доме Сигурда у него был специальный наставник, некто Рейн, известный как Рейн Далеко путешествующий, у которого он мог с самого раннего возраста обучаться норвежским достижениям и искусствам. Пришли новые дети, один или двое; но Олаф, кажется, всегда знал от своей матери, что он был там выдающимся человеком королевской крови. Однажды его Приемный отец, спеша уехать из дома по делам, поспешно велел Олафу, поскольку никого другого поблизости не было, оседлать для него лошадь. Олаф вышел с седлом, выбрал самого большого козла в округе, оседлал его и подвел к двери вместо лошади. Старый Сигурд, очень серьезный человек, сардонически ухмыльнулся при этом зрелище. - Ха, я вижу, ты не намерен подчиняться моим приказам; у тебя слишком приподнятое настроение, чтобы подчиняться командам. На что, по словам Снорро, Мальчик Олаф мало что ответил, кроме смеха, пока Сигурд не оседлал себе седло и не ускакал прочь. Его мать Ааста, по-видимому, была вдумчивой, благоразумной женщиной, хотя в глубине души всегда сохраняла яростный роялизм и тайную неумолимость.

В возрасте двенадцати лет Олаф ушел в море; его Приемный отец снабдил его небольшим флотом и опытным морским советником, опытным старым Рейном, и он отправился попытать счастья в мире. Рейн был рулевым и советником в те зарождающиеся времена; но команда всегда называла Олафа "Королем", хотя поначалу, как думает Снорро, за исключением часа битвы, он просто работал веслом. Он плавал и сражался в этом качестве на многих морях и побережьях; провел несколько лет, возможно, до девятнадцати или двадцати лет, в этой дикой стихии и при таком образе жизни; сражаясь всегда славно и выдающимся образом. В час битвы, достаточно усердный, чтобы "накопить имущество", как называли это викинги; и в долгие дни и ночи плавания, отдающийся, вероятно, собственным мыслям и непостижимому диалогу с вечно стонущим морем; не худшая школа, которую мог пройти человек, и, действительно, бесконечно предпочтительнее большинства из тех, что проходят даже сейчас, для высокой и глубокой молодой души.

Его первой выдающейся экспедицией была Швеция: естественно было отправиться туда первым, чтобы отомстить за смерть своего бедного отца, хотя бы и не более того. Что он и сделал, по словам скальдов, выдающимся образом; выиграв для себя победоносную и красивую битву при входе в озеро Маеларе; и снова выбравшись из него, после того как промерз там всю зиму, проявив еще более удивительную, почти чудесную изобретательность и ловкость. Это была первая из его славных побед, которых скальды насчитывают четырнадцать или тринадцать действительно славных, в основном в западных и южных странах, больше всего в Англии; пока имя Олафа Харальдсона не стало довольно известным в мире викингов и стратегов. Похоже, он действительно постиг секреты своего ремесла и был, тогда и впоследствии, благодаря бдительности, изобретательности, доблести и скорости исполнения, превосходным бойцом. Несколько его подвигов, описанных в простых формах, свидетельствуют о том, что его можно назвать военным гением.

Основные и для нас единственно интересные его подвиги, по-видимому, были совершены в Англии и, что еще примечательнее, всегда на стороне противников Свейнов. Английские книги вообще не упоминают его, насколько я могу найти; но вполне вероятно, что, как сообщают норвежские летописи, в конце правления Этельреда он был союзником или наемным генералом Этельреда и много сражался на море, наблюдая, плавая под парусами и осаждая этого несчастного короля и Эдмунда Айронсайда, его сына. Снорро прямо говорит, что Лондон, неприступный город, пришлось снова осаждать ради Этельреда (в промежутке между смертью Свейна и возвращением молодого Кнута из Дании), и что наш Олаф Харальдсон был великим инженером и победоносным захватчиком Лондона в том исключительном случае, когда Лондон был захвачен впервые. По словам Снорро, мост, как обычно, представлял собой почти непреодолимые препятствия. Но инженерный гений Олафа изобрел огромные "платформы из деревянных панелей [на самом деле, старые стены деревянных домов], соединенные вместе ивами"; они, постоянно удерживаемые над кораблями, будут (думает Олаф) значительно защищать их и нас от разрушительных снарядов, больших валунов и прочей пакости, обильно сыплющейся на нас, пока мы не пройдем под Мостом с топорами и тросами и не сделаем на нем что-нибудь полезное. План Олафа был опробован; большинство других кораблей, несмотря на их деревянную обшивку, отступили, достигнув Мостика, настолько разрушительными были валуны и другие снаряды. Но корабли Олафа и он сам действительно прошли под мостом; закрепили там всевозможные тросы; а затем, когда течение реки было в их пользу, и испуганные корабли сплотились, чтобы помочь в этой более безопасной части предприятия, вырвали важные сваи и подпорки и практически обрушили несчастный Мост, полностью или частично, в реку, а его датских защитников вынудили немедленно сдаться. Это отчет Снорро.

В предыдущем случае Олаф был полон надежд на совместную работу с двумя младшими сыновьями Этельреда, Альфредом и Эдуардом, впоследствии королем Эдуардом Исповедником: что они вдвоем совершат вылазку из Нормандии большими силами, объединятся с Олавом в том же духе и, высадившись на Темзе, сделают что-нибудь эффективное для себя. Но препятствия, плохая погода или что-то подобное, привели бедных принцев в уныние, и это ни к чему не привело. Олаф часто бывал в Нормандии, которую тогда называли Валландией; человек, которого почитали нормандские герцоги.

Какое количество "имущества" он накопил, я не знаю, но мог бы доказать, если бы это было необходимо, что он приобрел некоторые тактические или даже стратегические способности и настоящий талант к войне. В Лимф-Фьорде, в Ютландии, но через несколько лет после этого

(1027 г. н.э.) у него было морское сражение с самим великим Кнутом — корабли в сочетании с шлюзами, с ревущими искусственными наводнениями; ими хорошо управлял король Олаф; они были на волосок от уничтожения Кнута, теперь ставшего королем и Великим; и, по сути, мгновенно обратили его в бегство. Но об этом подробнее со временем.

Что меня еще больше удивляет, так это загадка, где Олаф в этой странствующей, сражающейся, скитающейся по морю жизни приобрел свое глубокое религиозное чувство, свою непоколебимую приверженность христианской вере. Я полагаю, что именно в Англии, где все еще можно было встретить многих благочестивых людей, священнослужителей и других, Олаф почерпнул эти доктрины; и что в тех его непостижимых диалогах с вечно стонущим океаном они пустили корни в глубине его души и принесли плоды наверху, которые впоследствии стали столь заметны. Несомненно, он стал глубоко набожным человеком во время этих долгих походов викингов; и направил все свои силы, когда ему были предоставлены сила и авторитет, на установление христианской религии в своей стране, а также на подавление и упразднение там викингизма; обе эти цели, а также их соответствующую ценность и недостойность, он, должно быть, сам давно и так хорошо знал.

Это было в 1016 году н.э., когда Кнут одержал свою последнюю победу при Эшдоне, в Эссексе, где земные пирамиды и античная церковь поблизости все еще свидетельствуют о благодарном благочестии Кнута — или, по меньшей мере, о его радости от того, что он *победил*, а не проиграл и погиб, как он был близок к тому, чтобы сделать там. И это было все в том же году, когда благородный Эдмунд Айронсайд после принудительного раздела "острова Олни" был скандально убит, а Кнут стал бесспорным единоличным королем Англии и решительно взялся за свою работу по управлению страной. За год до любого из этих событий, когда для Кнута все еще оставалось неопределенным, и даже норвежского ярла Эрика пришлось призвать ему на помощь, в том 1015 году, как можно естественно догадаться, и поскольку все исландские намеки и указания позволяют нам датировать это событие, Олаф решил отказаться от викингизма во всех его формах; вернуться в Норвегию и попытаться, не сможет ли он отстоять место и карьеру, которые ему там принадлежали. Ярл Эрик исчез со всеми своими военными силами в Англии, оставив преемником только мальчика Хакона и Свейна, своего родного брата, — тихого человека, который всегда избегал войны. Олаф беспрепятственно приземлился в Норвегии, но решил вести себя тихо, пока не осмотрится сам и не посоветуется с друзьями.

Прием, оказанный ему матерью Аастой, был самым добрым и гордым, и Снорро с любовью описывает его. Довольно идиллическое или эпическое произведение скандинавского гомеровского типа: Как Ааста, услышав о появлении своего сына, заставила всех своих служанок и прислугу работать изо всех сил; отправила гонца на поле для сбора урожая, где находился ее муж Сигурд, предупредить его, чтобы он возвращался домой и одевался. Как Сигурд стоял среди своих жнецов и вязальщиков; и что на нем было — широкополая шляпа с вуалью (от мошек), синяя юбка, чулки, не помню какого цвета, ботинки со шнуровкой; а в руке трость с серебряным набалдашником и таким же кольцом на нем; представительный пожилой джентльмен, живший в одиннадцатом веке в тех краях. Сигурд был осторожен, осмотрителен, хотя и искренне дружелюбен в своих советах Олаву по вопросу о короле. У Аасты был спартанский тон в ее необузданном материнском сердце; и она заверяет Олафа, что, бросив полуукоризненный взгляд на Сигурда, будет стоять за него до самой смерти в этом его справедливом и благородном предприятии. Сигурд обещает продолжить консультации по соседству и переписываться с помощью сообщений; в результате Олаф решительно

продвигается вперед, решает объявить о чем-то и открыто заявить о своем королевстве там. Само по себе это было достаточно добровольно: оппозиционные партии то тут, то там проявляют активность, но Олаф всегда быстрее их. Пять корольков где-то на Возвышенностях, 11— все потомки Харфагра; но не желающие нарушать мир, который ярл Эрик и Хакон Ярл всегда охотно позволяли миролюбивым людям, - по-видимому, являются главной оппозиционной партией. Эти пятеро выходят на поле боя против Олафа со всеми силами, которые у них есть; Олаф однажды ночью, с поразительной быстротой и стратегическими приемами, которые могли бы одобрить Фридрих или Тюренн, окружает этих Пятерых; и когда наступает утро, для них нет ничего, кроме либо смерти, либо мгновенной капитуляции и присяги на верность королю Олафу. Какую последнюю ветвь альтернативы они с радостью принимают, все пятеро, и снова отправляются домой.

Это был прекрасный пример военной практики короля Олафа на суше. Другим ударом, еще более ловким на море, он уже успокоил бедного юного Хакона и надолго сделал его миролюбивым. Олаф путем усердных поисков и шпионских сообщений выяснил, что Хакон, только что вернувшийся из Дании и попрощавшийся с папой и Кнутом, которые сейчас направлялись в Англию, направлялся берегом на север, в сторону Тронхьема; и намеревался в такой-то день или около того высадиться в таком-то фьорде ближе к концу этого путешествия к Трондхьему. Олаф тотчас же заполучил два больших корабля, провел их через узкое устье упомянутого фьорда, пришвартовал один корабль к северному берегу, другой - к южному; привязал прочный канат, хорошо утопленный в воде, к вантам этих двух; и в полной тишине стал ждать Хакона. Не прошло и нескольких часов, как королевская или квазикоролевская баржа Хакона весело вошла в этот фьорд; возможно, он был немного удивлен, увидев в его пасти два больших корабля на якоре, но храбро плыл вперед, ни в чем не сомневаясь. Олаф по сигналу "Все наверх" приводит в действие свои два шпиля; в нужный момент натягивает трос достаточно высоко, цепляет им кильбаржи бедняги Хакона, переворачивает ее и полностью сбрасывает в море. Полностью погружается в море; однако спасает Хакона и его людей от утопления и поднимает их на борт. Его диалог с бедным молодым Хаконем, особенно ответы бедного молодого Хакона, очень красивы. Должен ли я привести это со слов Снорро, и пусть читатель воспримет это как максимально достоверное? По крайней мере, таков его истинный образ в голове подлинного Снорро немногим более двух столетий спустя.

Ярла Хакона подвели к королевскому кораблю. Он был самым красивым мужчиной, которого только можно было увидеть. У него были длинные волосы, тонкие, как шелк, обвитые вокруг головы золотым украшением. Когда он сел на скамье подсудимых, король сказал ему:

Король. "То, что говорят о вашей семье, что вы красивые люди, не ложь; но теперь удача покинула вас".

Хакон. "Всегда было так, что успех непостоянен; и в этом деле нет удачи. В вашей семье, как и в моей, принято по очереди получать лучшую долю. По возрасту я немного старше детства; и в любом случае мы не смогли бы защититься, поскольку не ожидали никакого нападения по дороге. В другой раз у нас может получиться лучше.

Король. "Разве ты не понимаешь, что находишься в таком состоянии, что отныне для тебя не может быть ни победы, ни поражения?"

Хакон. "Это то, что только ты можешь определить, король, по своему усмотрению".

Король. "Что ты дашь мне, ярл, если на этот раз я отпущу тебя целым и невредимым?"

Хакон. "Что ты возьмешь, король?"

Король. "Ничего, кроме того, что ты покинешь страну, откажешься от своего королевства и поклянешься, что никогда не пойдешь на битву против меня". 12

Ярл Хакон принял щедрые условия; отправился в Англию к королю Кнуту и соблюдал свою сделку добрых несколько лет; хотя в конце концов под давлением короля Кнута он был вынужден нарушить ее, что, как мы увидим, не принесло ему особой выгоды. Одно победоносное морское сражение с ярлом Свейном, дядей Хакона, и его приверженцами, бежавшими в Швецию после его поражения, — сражение, не представляющее труда для умелого, жестокосердного короля, — было практически всем, что пришлось сделать Олафу в этом предприятии. Он несколько раз встречался с разъяренными связующими и непокорными Существами с оружием в руках; но благодаря умелому, твердому управлению — совершенно терпеливому, но и совершенно готовому действовать, — он в основном обходился без ударов; и Норвегия повсеместно признала его своим настоящим королем. Многообещающий молодой человек, достойный стать королем, думает Снорро. Всего лишь среднего роста, почти коротковат; но крепко стоящий и крепко сложенный; так что они стали называть его Олафом Толстым (что означает "Олаф Коренастый" или "Крепко сложенный"), хотя его последний эпитет среди них был бесконечно выше. В остальном: "миловидный, серьезный, располагающий взгляд; большое количество красивых желтых волос; широкое, честное лицо с цветом лица, чистым, как снег и роза"; и, наконец (или во-первых) "самые яркие глаза в мире; такие, что в гневе ни один мужчина не мог их вынести". Перед ним стояла тяжелая задача, и для ее выполнения требовались все его качества и прекрасные дары.

ГЛАВА X. ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ОЛАФА СВЯТОГО.

Два покойных ярла, ныне ушедших по своим делам, оба были крещены и называли себя христианами. Но за время своего правления они ничего не сделали для обращения в христианство; предоставили каждому человеку выбирать своего собственного Бога или Богов; так что у некоторых их было фактически два: христианский бог на суше и морской Бог Тор, которого они считали более безопасным в этой стихии. И в сущности, масса людей вернулась к вялотекущему язычеству или полужаичеству, а труд всей жизни Олафа Триггвесона оказался разорительным или почти полностью разрушенным. Новый Олаф, сын Харальда, приложил все свои силы, чтобы исправить такое положение вещей; и стоял за свое предприятие до конца, как за единственный высший интерес, включая все остальные, для своего Народа и для него самого. Его метод ни в коем случае не был мягким; напротив, он был жестким, быстрым, суровым — в чем-то по образцу Трюггвесона, хотя и с добавлением большего количества епископства и проповеди. И все же было много увечий, решительных наказаний и абсолютной

нетерпимости к этим двум вещам: язычеству и морскому разбою, по крайней мере, к морскому разбою в старом стиле; я не совсем знаю, в том ли стиле, который мы, современные люди, все еще практикуем и называем каперством. Но собственно викингизм в Норвегии должен был прекратиться; более того, язычество подверглось слишком суровым наказаниям, которые невозможно было вынести: смерти, увечью конечностей, не говоря уже о конфискации имущества и менее строгом принуждении. Олаф был неумолим в отношении нарушения закона. "Слишком сурово", - восклицали многие; на что один отвечает: "Возможно, частично *да*, возможно, также в значительной части *нет*; все зависит от предыдущего вопроса, насколько закон Всемогущего Бога был вечным во вселенной, насколько закон просто Олафа (лишенного истинного вдохновения) оставлял его собственным страстям и прихотям?"

Много было шуток у Олафа с непокорными Языческими Тварями и Железнобородыми нового поколения: очень любопытно посмотреть. Редко когда дело доходило до драки между Королем и Тварью, хотя довольно часто она была близка к этому; но Тварь, распознав, как это обычно бывало вовремя, что Король сильнее людей, казалось, единодушно сказала себе: "Значит, мы проиграли; крестите нас, мы должны сжечь наших старых богов и смириться". Одна новая черта, которую мы все же слегка различаем: то тут, то там нотки теологических споров с языческой стороны. В одном диком месте, далеко в Доврефельде, с очень языческим нравом, было много такого, что король Олаф в данный момент не мог унять, так что обсуждение пришлось отложить до завтра, а потом еще раз - до следующего дня. Вот некоторые черты этого, значительно сокращенные Снорро (который дает очень точный отчет), которые ярко отражают позу Олафа и его манеру действовать в таких тонкостях.

Главным Железнобородым в этом случае был некто Гюдбранд, очень суровый крестьянин; который, по словам Снорро, был подобен королю в этой округе. Сообщается, что за несколько дней до этого король Олаф, намеревавшийся совершить религиозный обряд в этих глубоко языческих краях с альтернативой христианству или пожарищу, взглянув вниз, на долину и стоящую там красивую деревню Лоар, с тоской сказал: "Как жаль, что такая красивая деревня должна быть сожжена!" Однако Олаф все же отправил свое послание-жетон и встретился с Гюдбрандом и огромным собранием, чей юмор по отношению к нему был действительно в высшей степени нелицеприятным. Судите по этой предварительной речи Гюдбранда своему Вещему народу, в то время как Олаф еще не прибыл, а только продвигался вперед, едва добравшись до Бридена по другую сторону холма: "В Лоар пришел человек, которого зовут Олаф, - сказал Гюдбранд, - и он навязает нам другую веру, чем та, что была у нас раньше, и разобьет куски всех наших Богов. Он говорит, что у него есть гораздо более великий и могущественный Бог; и замечательно, что земля не раскалывается под ним на части или что наш Бог позволяет ему разгуливать безнаказанным, когда он осмеливается говорить такие вещи. Я точно знаю, что если мы унесем Тора, который всегда был рядом с нами, из нашего Храма, который стоит на этой ферме, Бог Олафа растает, и он и его люди превратятся в ничто, как только Тор посмотрит на них ". После чего все Связующие, как один человек, закричали: "Да!"

Это потрясающее послание они даже передали Олафу через младшего сына Гудбранда во главе 700 вооруженных людей; но оно не привело в ужас Олафа, который, напротив, собрал свои войска, сам поехал во главе них и обратился к бондарям с речью, в которой пригласил их принять христианство, как единственную истинную веру для смертных.

Не желая соглашаться с этим, бондари подняли общий крик, одновременно ударяя оружием по своим щитам; но люди Олафа быстро надвигались на них и, размахивая копьями, повернулись и побежали, оставив сына Гудбранда в плену, за которого Олаф отдал свою жизнь: "Теперь иди домой к своему отцу и скажи ему, что я намерен скоро быть с ним".

Сын поступает соответственно и советует отцу не встречаться с Олавом лицом к лицу; но Гюдбранд сердито отвечает: "Ха, трус! Я вижу, ты тоже захвачен безумием, с которым разгуливает этот человек", - и полон решимости сражаться. Однако в ту ночь Гюдбранду снится самый замечательный Сон, или Видение: Человек, окруженный светом, приносящий с собой великий ужас, который предостерегает Гюдбранда от сражения с Олафом. "Если ты это сделаешь, ты и весь твой народ падете; волки растащат тебя и твоих близких; вороны разорвут тебя в клочья!" И вот, когда он рассказывает это Торду Пузатику, своему крепкому соседу и приспешнику в этом Деле, оказывается, что и Торду явилось то же самое ужасное Видение! Лучше предложите Олафу перемирие (у которого, кажется, на его стороне эти ужасные Призрачные Силы) и придержите Кое-что, чтобы обсудить дела между нами. Вещь собирается в день сильного дождя. Когда все расселись, встает король Олаф и сообщает им: "Жители Лессо, Лоара и Вааге приняли христианство и разрушили свои идолы: теперь они верят в Истинного Бога, который сотворил небо и землю и знает все"; и снова садится, не сказав больше ни слова.

Гюдбранн отвечает: "Мы ничего не знаем о том, о ком ты говоришь. Ты называешь его Богом, которого ни ты, ни кто-либо другой не может видеть?" Но у нас есть Бог, которого можно видеть каждый день, хотя сегодня его нет на улице из-за сырой погоды; и он покажется тебе ужасным и очень величественным; и я ожидаю, что страх смешается с самой твоей кровью, когда он войдет в это Дело. Но раз ты говоришь, что твой Бог так велик, пусть он сделает так, чтобы завтра у нас был облачный день, но без дождя, и тогда давай встретимся снова".

Соответственно, король вернулся домой, в свое жилище, взяв в заложники сына Гюдбранда; но взамен он дал им в заложники человека. Вечером король спросил сына Гюдбранда, На что похож их Бог? Он ответил, что был похож на Тора; в руке у него был молот; был большого размера, но полый внутри; и имел высокую подставку, на которую он вставал, когда выходил наружу. "У него нет недостатка ни в золоте, ни в серебре, и каждый день он получает четыре лепешки хлеба, не считая мяса". Затем они легли спать; но царь бодрствовал всю ночь в молитве. Когда рассвело, король отправился к мессе, затем к столу, а оттуда к Делу. Погода стояла такая, какой желал Гюдбранн. Теперь епископ встал в своем хоровом облачении, с епископским чепцом на голове и епископским посохом в руке. Он обратился к приверженцам истинной веры, рассказал о многих чудесных деяниях Божьих и хорошо завершил свою речь.

Торд Пузатый отвечает: "О многом нам рассказал этот ученый человек с посохом в руке, изогнутым наверху, как бараний рог. Но поскольку вы говорите, товарищи, что ваш Бог так могуществен и может творить так много чудес, скажите ему, чтобы завтра до полудня было ясное солнце, и тогда мы снова встретимся здесь и сделаем одно из двух: либо согласимся с вами в этом деле, либо сразимся с вами". И они расстались на весь день".

Ночью король приказал Кольбейну Сильному, огромному парню, тому самому, который убил двух братьев Гунхильд, что он, Кольбейн, должен завтра встать рядом с ним; люди должны спуститься туда, где стоят корабли Бондарей, и точно проделать дыры в каждом из них; *пункт*-на фермы, где паслись их лошади, и точно снять с них привязи и выпустить их на волю: все это было сделано. Снорро продолжает: —

И вот король всю ночь молился, умоляя Бога о его благости и милосердии освободить его от зла. Когда месса закончилась и наступило серое утро, король отправился на Мероприятие. Когда он пришел туда, несколько Связующих уже прибыли, и они увидели приближающуюся огромную толпу, несущую среди них изображение огромного человека, сверкающее золотом и серебром. Когда Бондари, присутствовавшие при этом, увидели это, они восторжеслись и склонились перед уродливым идолом. После этого он был установлен на поле Тинг, и по одну сторону от него сидели Бондари, а по другую - король и его народ.

Тогда Дейл Гудбранд встал и сказал: "Где же теперь, король, твой Бог? Я думаю, теперь он опустит голову ниже; и ни ты, ни человек с рогом, сидящий рядом с тобой, которого ты называешь епископом, сегодня не так смелы, как в прежние дни. Ибо теперь наш Бог, который правит всем, пришел и смотрит на вас гневным взором; и теперь я достаточно хорошо вижу, что вы напуганы и едва осмеливаетесь поднять глаза. Отбрось теперь все свое сопротивление и верь в Бога, в руках которого всецело твоя судьба".

Теперь король шепчет Кольбейну Сильному так, что Бондари этого не замечают: "Если во время моей речи окажется, что бондари смотрят не на своего идола, а в другую сторону, ударь его своей дубинкой так сильно, как только сможешь".

Затем король встал и заговорил. "О многом ты говорил с нами сегодня утром и очень удивлялся, что не можешь увидеть нашего Бога; но мы ожидаем, что он скоро придет к нам. Ты хотел напугать нас своим Богом, который слеп и глух и не может даже передвигаться без того, чтобы его не несли; но теперь я ожидаю, что пройдет совсем немного времени, прежде чем он встретит свою судьбу: ибо обрати свои взоры к востоку — узри нашего Бога, приближающегося в великом свете".

"Солнце всходило, и все повернулись посмотреть. В этот момент Кольбейн ударил их Бога так, что тот разлетелся на куски, и из него выбежали мыши размером почти с кошек, рептилии и гадюки. Бондари были так напуганы, что некоторые убежали на свои корабли; но когда они набросились на них, корабли наполнились водой и не могли уйти. Другие побежали к своим лошадям, но не смогли их найти. Затем король приказал созвать Связистов, сказав, что хочет поговорить с ними; после чего Связисты вернулись, и Существо снова уселось.

Король встал и сказал: "Я не понимаю, что означают ваш шум и беготня. Вы сами видите, на что способен ваш Бог — идол, которого вы украсили золотом и серебром и которому приносили мясо и провизию. Теперь вы видите, что покровительствующими силами, которые использовали все это и извлекли из этого пользу, были мыши и гадюки, рептилии и ящерицы; и, несомненно, они причиняют зло тем, кто доверяет такому, и не оставят эту глупость. Возьмите теперь свое золото и украшения, которые разбросаны по траве, и раздайте их своим женам и дочерям, но никогда впредь не вешайте их на колодки и камни. Вот два условия, на которых мы должны сделать выбор: либо принять христианство, либо сражаться сегодня же, и победа будет за теми, кому ее дарует Бог, которому мы поклоняемся".

Тогда Дейл Гудбранд встал и сказал: "Мы нанесли большой ущерб нашему Богу; но поскольку он не хочет нам помогать, мы будем верить в Бога, в которого веришь ты".

Затем все приняли христианство. Епископ крестил Гудбранда и его сына. Король Олаф и епископ Сигурд оставили после себя учителей; и те, кто встречался врагами, расстались друзьями. А потом Гудбранн построил в долине церковь". [13](#)

Олаф ни в коем случае не был безжалостным человеком, скорее наоборот, там, где он видел веские причины. Был, например, злой старый король Рерик, один из тех пяти корольков, которых Олаф хитростью окружил однажды ночью с их жалким вооружением, а утром сразу же схватил и подчинил, причем все они согласились; все они, кроме этого Рерика, которого Олаф, как самый верный вариант, забрал к себе домой; ослепил и держал в своем собственном доме, решив, что нет иного выхода, кроме как убить упрямого старого пса, который к тому же приходился ему чем-то вроде дальнего родственника и не мог сознательно быть убитым. Совершенно слепой старый Рэрик не всегда был настроен на убийство. Действительно, по большей части он сохранял спокойный, примирительный вид и говорил пронизательные забавные вещи; но трижды пытался с поразительной хитростью, хотя и был совершенно слеп, вонзить кинжал в Олафа, и в последний раз ему это почти удалось. Так что, поскольку Олаф по-прежнему отказывался убивать его, возникла проблема, что с ним делать. Хорошее настроение Олафа, а также его спокойствие, здравый смысл и практичность проявляются в его окончательном решении этой проблемы с Рериком. Смех Олафа, как я понимаю, был не таким громким, как у Триггвесона, но не менее сердечным, исходящим от его светлого ума!

Кроме слепого Рерика, в доме у Олафа был еще один исландец Торарин; удивительно уродливый человек, по словам Снорро, но много путешествовавший, пронзительно наблюдательный, преданный и добродушный человек, с которым Олафу нравилось разговаривать. "Удивительно уродливый, - говорит Снорро, - особенно в его руках и ногах, которые были большими и в какой-то степени неправильной формы". Однажды утром Торарин, который вместе с другими доверенными лицами спал в покоях Олафа, лениво дремал и зевал и успел свесить одну ногу с кровати еще до того, как король проснулся. Ступня все еще была на месте, когда Олаф открыл свои ясные глаза, которые мгновенно загорелись при виде этой ступни.

"Ну, вот нога, - весело говорит Олаф, - с которой редко встретишь равных; осмелюсь предположить, что в этом городе Нидаросе нет другой такой уродины".

- Ха, король! - сказал Торарин. - Есть несколько вещей, с которыми нельзя сравниться, если долго искать и прилагать усилия. С твоего позволения, король, я бы поспорил, что найду более уродливую.

- Готово! - крикнул Олаф. После чего Торарин вытянул вторую ногу.

"А еще уродливее, - воскликнул он, - потому что у него нет мизинца".

- Хо-хо-хо! - воскликнул Олаф. - но пари выиграл я. Чем *меньше* уродливого, тем менее уродливо, а не больше!"

Верный Торарин почтительно подчинился.

- Тогда каким же будет мое наказание? Решать должен король.

- Чтобы отвезти мне этого злого старого Рэрика к Лейфу Эриксону в Гренландию.

Что исландец и сделал, оставив отныне два свободных места за столом Олафа. Лейф Эриксон, сын Эрика, открывшего Америку, с тех пор потихоньку управлял Рэриком; отправил его в Исландию, — я думаю, к самому отцу Эрику; несомненно, в надежные руки, в доме которого или

в каком-нибудь еще более тихом соседнем жилище, по своему собственному выбору, старый Рэрик провел последние три года своей жизни в совершенном покое.

Борьба Олафа с религией фактически разрешила этот вопрос в Норвегии. Этими его грубыми методами, что бы мы о них ни думали, язычество было сокрушено насмерть, и о нем больше не слышали в этой стране. Сам Олаф, очевидно, был в высшей степени набожным человеком; — тот, кто родился с характером Олафа сейчас, все равно найдет, как и Олаф, новое и бесконечное поле для этого! Христианство в Норвегии было таким же плодородным, как и в других странах; или даже достигло более высокого уровня, и, по мнению Дальманна, буйного, в течение двух столетий, следовавших за столетием правления Олафа. Все свидетельства о нем представляют нам его как самого праведного, не менее самого религиозного царя. Постоянно бдительным, справедливым и неукоснительным было исполнение законов Олафом: пресечение грабежей, наказание несправедливости, суровое возмездие злодеям везде, где он мог их задержать.

Среди богатых, да и вообще повсюду, поскольку бедняки тоже могут быть грешниками и нуждаться в наказании, Олаф таким поведением, естественно, нажил врагов. Его суровость так заметна всем, а справедливость и бесконечное благодеяние от нее так невидимы, за исключением очень немногих. Но, во всяком случае, его правление в течение первых десяти лет было победоносным; и могло бы быть таковым до конца, если бы ему не помешал король Кнут на своей гораздо более широкой орбите, с текущими делами и интересами. Поскольку английские и датские дела Кнута, по его мнению, были полностью улажены, он, кажется, особенно после того года паломничества в Рим и общения с понтификами и кайзершами мира по этому случаю, обратил свое более пристальное внимание на Норвегию и те притязания, которые он сам там имел. Ярл Хакон, тоже сын сестры Кнута, которого он всегда хорошо видел, долгое время был занят в этом направлении, сильно забыв о клятве, данной Олаву, когда его баркас накренился на канате двух опор, и ему была дарована жизнь, не совсем без условий!

Примерно в 1026 году из Англии прибыли две великолепные особы с письмом и печатью короля Кнута Великого и посланием, которое, по всей вероятности, было далеко не желанным для Олафа. В течение нескольких дней Олаф отказывался видеть их или их письмо, проницательно догадываясь, в чем будет заключаться смысл. Которое действительно было изложено мягким языком, но имело достаточно четкий смысл: уведомление королю Олафу, а именно, что Норвегия по праву наследования принадлежит Кнуту Великому; и что Олаф должен стать вассалом великого Кнута и платить ему дань, иначе последует нечто худшее. Король Олаф, слушавший этих двух замечательных людей и их письмо в возмущенном молчании, пока они не закончили, ответил: "Я слышал, что, согласно старым свидетельствам, король Дании Горм [отец Синезуба, прадед Кнута] считался всего лишь маленьким королем; у него была только Дания и мало людей, которыми он мог править. Но короли, сменившие его, сочли этого недостаточным для себя; и с тех пор дело дошло до того, что король Кнут правит и Данией, и Англией, а также завоевал для себя часть Шотландии. И теперь он претендует также на часть моего отцовского наследия; не может быть удовлетворен и без этого. Желает ли он править всеми странами Севера? Сможет ли он съесть всю капусту в самой Англии, этот Кнут Великий? Он сделает это и превратит свою Англию в пустыню, прежде чем я положу голову ему на руки или продемонстрирую ему какой-либо другой вид вассалитета. И поэтому я прошу тебя передать ему мои слова: я буду защищать Норвегию боевым топором и мечом до тех пор, пока мне будет

дарована жизнь, и никому не буду платить налоги за мое королевство". Слова, которые, естественно, сильно разозлили Кнута.

Соответственно, в следующем году (1027), на десятый или одиннадцатый год правления Олафа, из Англии дошли дурные слухи: что Кнут снаряжает огромную армию, сухопутную армию, и такой флот, который никогда прежде не плавал; в нем собственный корабль Кнута - Золотой Дракон с не менее чем шестьюдесятью скамьями весел. Олаф и Онунд, король Швеции, на сестре которых он был женат, хорошо догадывались, куда направлялось это вооружение. К тому же они были друзьями, они осознавали свою общую опасность в этой неминувности; и в ходе неоднократных консультаций приняли меры, наилучшие из тех, что могли предложить их объединенные навыки (которые, как я нахожу, в основном принадлежали Олафу, но были лояльно приняты другим). Именно в этом году Олаф (при содействии своего шведского короля) совершил свой великий подвиг против Кнута в Лимф-фьорде Ютландии, о котором уже говорилось. Особые обстоятельства которого были таковы:

Большое вооружение Кнута прибыло к берегам Ютии слишком поздно в сезон, а прибрежная страна была разграблена двумя норвежскими королями, которые отступили при виде Кнута, и в этом году Кнут ничего не мог с ними поделать — или, если уж на то пошло, что? Корабли Кнута вошли в Лимф-фьорд, надежно защищенный фрит, или замысловатую длинную сеть фрит и проливов, которая в этом регионе почти делит Ютландию надвое; и стояли в безопасности, лениво покачиваясь на тамошних водах, не зная, что делать дальше. Наконец он повел свой большой корабль и еще несколько других вглубь Лимф-фьорда, все глубже и глубже, к устью большой реки под названием Хельге (*Хельге-аа*, Священная река, не обнаруженная на моих бедных картах, но, несомненно, все еще существующая и все еще текущая где-то среди этих запутанных проливов и протоков), на дне реки Хельге, в каком-то безопасном уголке, находился небольшой объединенный шведский и норвежский флот под командованием Онунда, шведского короля, в то время как в верховье, или истоке, который представляет собой небольшую реку. большое горное озеро, король Олаф провел значительные инженерные работы, как нельзя более подходящие для такого случая, и теперь было готово в любой момент. Флот Кнута празднично занял здесь позицию, и немедленно было отправлено уведомление от шведского короля; мгновенно были распахнуты хорошо спроектированные шлюзы Олафа; из вздувшегося озера хлынул огромный поток воды; сам Олаф со всеми своими людьми спешил вниз, чтобы присоединиться к своему шведскому другу и вовремя подняться на борт; река Хельге все это время была рядом с ним, со все усиливающимся ревом и все более распространяющимся потоком, спешащим вниз по кручам во время ночных вахт. Так что вместе с Олафом или каким-то образом опередив его, неизмеримый грохочущий поток воды обрушился на небрежный флот Кнута; разбил вдребезги и посадил на мель многие из его кораблей и был на волосок от уничтожения самого Золотого Дракона с Кнутом на борту. Нет нужды говорить, что Олаф и Онунд немедленно прибыли туда лично, сделав все возможное; ограждения "Золотого дракона", однако, были слишком высоки для их маленьких суденышек; и ярл Ульф, муж сестры Кнута, на пределе своей скорости храбро вмешался, разрушил их стратегию и спас Кнута от этого очень опасного перехода.

Этой зимой Кнут больше ничего не делал. Два норвежских короля, совершенно не способные атаковать такое вооружение, за исключением засады и инженерных изысканий, отплыли; снова произвели грабеж по своему усмотрению на датском побережье; привезли в Швецию большую добычу и множество пленных; но были вынуждены пролежать там всю зиму; и даже оставить там

свои флоты на несколько зим, — флот Кнута, размещенный в Эльсиноре по обе стороны пролива, делал невозможным любой выход из Балтийского моря, разве что по его желанию. Своевременное избавление Ульфом своего царственного шурина не слишком обрадовало самого бедного Ульфа. Он и раньше был в немилости, с трудом прощенный заступничеством королевы Эммы; честолубивый, назойливый, напористый, волнующий и, как в Англии, так и в Дании, почти опасный человек; и эта бросающаяся в глаза случайная заслуга только пробудила в Кнute новую ревность. Кнут, не найдя за Проливом ничего, что стоило бы блокировать, сошел на берег; "и за день до Михайлова дня, - говорит Снорро, - поехал с большой свитой в Эскильде". Снорро продолжает свой трагический рассказ о том, что там произошло:

"Там шурин Кнута, ярл Ульф, приготовил для него большой пир. Ярл был самым приятным хозяином, но король был молчалив и угрюм. Ярл всячески старался развеселить его и рассказывал все, что мог придумать, чтобы позабавить его; но король оставался суровым и говорил мало. Наконец ярл предложил сыграть в шахматы, на что тот согласился. Принесли шахматную доску, и они сыграли вместе. Ярл Ульф был вспыльчивым по характеру, жестким и ни в чем не уступал; но все, что ему удавалось, хорошо удавалось в его руках: и он был великим воином, о котором ходит много историй. Он был самым могущественным человеком в Дании после короля. Сестра ярла Ульфа, Гайда, была замужем за ярлом Гудином (Годвином) Ульфнадсоном; и их сыновьями были Харальд, король Англии, и ярл Тости, ярл Вальтьоф, ярл Мауро-Кааре и ярл Свейн. Гайда - так звали их дочь, которая была замужем за английским королем Эдуардом Добрым (которого мы называем Исповедником).

Когда они поиграли немного, король сделал ложный ход, за что ярл взял у него коня; но король снова поставил фигуру на доску и велел ярлу сделать еще один ход. Но ярл разозлился, опрокинул шахматную доску, поднялся и ушел. Король сказал: "Беги своей дорогой, Ульф Страшный". Ярл обернулся в дверях и сказал: "Ты бежал бы дальше, к реке Хельге, если бы тебя оставили там сражаться. Ты не называл меня Ульфом Грозным, когда я поспешил к тебе на помощь, в то время как шведы били тебя, как собаку." Затем ярл вышел и лег спать.

На следующее утро, когда король одевался, он сказал своему лакею: "Иди к ярлу Ульфу и убей его". Юноша пошел, отсутствовал некоторое время, а потом вернулся. Король спросил: "Ты убил ярла?" - "Я не убивал его, потому что он ушел в церковь Святого Люция". Там был человек по имени Ивар Белый, норвежец по происхождению, который был королевским придворным и камергером. Король сказал ему: "Иди и убей ярла". Ивар пошел в церковь, зашел на хоры и пронзил ярла своим мечом, который умер на месте. Тогда Ивар подошел к королю с окровавленным мечом в руке.

- Король спросил: "Ты убил ярла?" - "Я убил его", - сказал он. "Ты хорошо поступил", - ответил король. "Я

От человека, который построил так много церквей (по одной на каждом поле битвы, где он сражался, не говоря уже об остальных), и в ком была такая глубина настоящей преданности и другие прекрасные космические качества, это действительно кажется довольно сильным! Но вместе с тем это характерно для человека и, возможно, еще в большей степени для того времени.¹⁴ В любом случае, это событие стоит отметить, поскольку убитый ярл Ульф и его связи имеют важное значение в истории Дании, а также Англии. Женой Ульфа была Астрид, сестра Кнута, и их единственным ребенком был Свейн, впоследствии названный "Свейн Эстритсон" ("сын Астрид"), когда он стал известен в мире, — в то время безбородый юноша, который после

этой трагедии поспешно бежал в Швецию, где были друзья Ульфа. После примерно десятилетнего затмения там, когда Кнут и оба его сына были уже мертвы, Свейн вновь появился в Дании под руководством новой и выдающейся фигуры, "ярла Дании", высшего вассала тамошнего правителя. Нарушил свою клятву упомянутому суверену, объявил себя, Свейна Эстритсона, настоящим королем Дании; и после долгих предварительных хлопот, многочисленных побоев и катастрофических беготень взад и вперед, фактически стал таковым — к удивлению человечества; ибо у него не было ни одной победы, которая могла бы его подбодрить, ни какой-либо удачи или заслуги, которые можно увидеть, за исключением того, что он прожил дольше некоторых других. Тем не менее, он стал так называемым Восстановителем независимости Дании; единственным оставшимся представителем Кнута (или сестры Кнута), Вилобородого, Синезубого и Старого Горма; и предком всех последующих королей Дании на протяжении примерно 400 лет; сам он, как мы видим, был только со стороны Прялки, поскольку вся мужская сторона Меча умерла так рано. Ранняя смерть, как было замечено, была уделом Великого Кнута, а также всех его потомков; фатальный предел (если бы не было других, которые, как мы видим, были) для того, чтобы он стал "Карлом Великим Севера" в какой-либо значительной степени! У ярла Ульфа, как мы видели, была сестра по имени Гайда, жена ярла Годвина ("Гудин Ульфнадссон", как называет его Снорро), очень напоминающего англичанина, чей сын и ее, король Харальд, *Гарольд* в английских книгах самый напоминающийся из всех. Эти вещи должны быть лучше известны английским антикварам, и, возможно, они будут упомянуты снова.

Эта милая маленькая победа или оскорбление, одержанная над Кнутом в *Лимф-фьорде*, была одним из последних успехов Олафа в борьбе с этим могущественным человеком. Олафу, каким бы умелым капитаном он ни был, не нужно было отчаиваться защитить свою Норвегию от Кнута и всего мира. Но с тех пор он узнал, с каждым месяцем становясь все более трагичным, что его собственный народ, видевший более мягкие перспективы при Кнute, и в особенности их вожди, усердно подкупаемые Кнутом в течение прошлых лет, отступились от него; и что у него не было средств защиты. Следующим летом большой флот Кнута, не встречая сопротивления, прошел вдоль побережья Норвегии; Кнут вызывал что-нибудь то тут, то там, и во всех случаях не встречал ничего, кроме заоблачных аплодисментов и одобрения. Олаф с примерно двенадцатью маленькими кораблями, это все, что у него теперь было, спокойно лежал в каком-то безопасном фьорде, недалеко от Линденаеса, того, что мы теперь называем Назе, за какими-то маленькими уединенными островками на юго-востоке Норвегии; пока торжествующий Кнут не вернулся домой. Теперь Англия снова является "Сувереном Норвегии", а племянник Хакон назначен ярлом и вице-регентом при нем! Таковы были новости, с которыми столкнулся Олаф, отважившись отправиться в путь; и что его худшие ожидания не превзошли печальной правды, все или почти все главные бондари и влиятельные люди Норвегии выступили против него и встали на сторону торжествующего Кнута.

Олаф со своими двенадцатью бедными кораблями энергично бороздил побережье, чтобы собрать деньги и силу, — если таковые сейчас где-нибудь могли быть. Сам он был полон решимости выстоять и попытаться. "Быстро плывя с попутным ветром, облачным утром с небольшими дождями", он миновал побережье Джеддерена, который был страной Эрлинга Скъялгсона, когда он обратил внимание на бесконечное множество кораблей, военных кораблей, вооруженных торговых судов, всевозможных плавсредств, вплоть до рыбацких лодок, которые только что выступили против него под командованием Эрлинга Скъялгсона, могущественнейшего из его подданных, когда-то большого друга Олафа, но теперь пошли

против него так далеко, благодаря суровости правосудия Олафа и преданности Кнута. изобилие в золоте и обещания на долгие годы вперед. До такого состояния дошло дело с Эрлингом; он отплыл с этим огромным собранием моряков и населения Норвегии, чтобы схватить короля Олафа и доставить его великому Кнуту живым или мертвым.

УЭрлинга был собственный великолепный новый корабль, который намного превосходил общий набор кораблей повстанцев и заметно быстро набирал дистанцию от самого Олафа, который хорошо понимал, в чем заключалась загадка Эрлинга, между хвостом его игры (а именно набором кораблей повстанцев), который никак не мог всплыть, и главным призом игры, который состоял в том, чтобы собрать все паруса, чтобы уйти; и Олаф воспользовался тем же преимуществом. "Убавьте паруса!" - приказал Олаф своим людям (хотя мы должны идти медленнее).

"Эй, мы потеряли их из виду!" - сказал Эрлинг своим и прибавил ходу; вскоре после этого Олаф скрылся совсем невидимым за маленьким островом, о котором он знал, а оттуда вошел в определенный фьорд или залив (залив Фунген на картах), который, по его мнению, ему подходил. "Остановись здесь и достань оружие", - сказал Олаф, и ему не пришлось долго ждать, пока Эрлинг не выскочил из-за скалистого мыса и с изумлением не увидел флот Олафа из двенадцати человек с боевыми топорами и абордажными скобами в полной готовности. Они обрушились на него, неподготовленного Эрлинга, одновременно, как стая рассерженных пчел; и за несколько минут полностью очистили его корабль от людей, за исключением самого Эрлинга. Никто не просил его жизни и, вероятно, не получил бы ее, если бы захотел. Только Эрлинг все еще стоял, выпрямившись, на высоком месте на юте, отчаянно защищаясь, и до него было очень трудно добраться. "До него вообще нельзя было добраться, - говорит Снорро, - кроме как копьями или стрелами, но и их он отбивал с неутомимой ловкостью; говорили, что ни один человек в Норвегии никогда не защищался так долго в одиночку против многих", — почти непобедимый эрлинг, если бы его дело было благим. Олаф сам заметил поведение Эрлинга и сказал ему с передней палубы: "Сегодня ты отвернулся от меня, Эрлинг". "Орлы сражаются грудь в грудь", - отвечает он. Когда-то, давным-давно, король обращался к Эрлингу с такой речью, когда они сражались, но не так, как сейчас, а бок о бок. Король, у которого мелькнула какая-то мимолетная мысль о такой возможности, отвечает: "Ты сдашься, Эрлинг?" "Так я и сделаю", - ответил он, снял с головы шлем, положил меч и щит и вышел на палубу переднего борта. Король ткнул, я думаю, не очень сильно, в подбородок или бороду Эрлинга острием своего боевого топора, сказав: "Однако я должен отметить тебя как предателя своего Государя". После чего один из прохожих, Аслак Фитиаскалле, глупо и яростно вскочил и ударил Эрлинга топором по голове, так что удар быстро вонзился ему в мозг и привел к немедленной смерти Эрлинга. "Да сопутствует тебе несчастье за этот удар; ты вырвал им Норвегию из моих рук!" - крикнул король Аслаку; но простил беднягу, который сделал это из лучших побуждений. Повстанческий флот бондеров, прибывший вскоре после этого, словно для уверенной победы, был поражен этой катастрофой с Эрлингами; и, оставшись теперь без какого-либо авторитетного лидера, не предпринял ни малейшей попытки вступить в бой; но, полные уныния и ужаса, с благодарностью позволили Олафу отплыть по своему усмотрению на север; и сами ушли, оплакивая мертвое тело Эрлинга.

Эта маленькая победа была последней, которую Олаф одержал над своими многочисленными врагами на данный момент. День за днем он плыл все дальше на север; к нему присоединилось несколько важных людей; но новости с суши с каждым днем становились все более зловещими:

Бондари деловито вооружались позади него; а впереди Хакон, еще более деловитый в Трондхьеме, теперь неподалеку: "— и он прикончит твои дни, король, если у него хватит сил!" Олаф остановился; послал разведчиков на вершину холма: "Вооружение Хакона достаточно хорошо видно, оно движется вперед, около острова Бьярно, вон там!" Вскоре после этого Олаф сам увидел, как бондарское вооружение из двадцати пяти кораблей с юга проплыло вдалеке, чтобы присоединиться к вооружению Хакона; и, что еще хуже, его собственные корабли, один и другой (всего семь), ускользали с таким же поручением! Он направился к фьорду Фодрар, устьем труднопроходимого ущелья под названием Вальдал, которое, я думаю, до сих пор знает Олафа и где теперь есть "Шоссе Олафа", где девять веков назад едва ли была тропинка. Олаф вошел в этот фьорд, поставил свою сухопутную палатку и поставил крест рядом с ней, на небольшой ровной лужайке за мысом. Обнаружив, что его двенадцать бедных кораблей теперь сократились до пяти против всего восставшего против него мира, он не мог не увидеть и не признать самому себе, что шансов не осталось; и что он должен отступить через горы и ждать лучших времен.

Его путешествие по этой дикой стране, в этих заброшенных и стесненных обстоятельствах, исполнено скорбного достоинства и домашнего пафоса, как описано Снорро: как он вытащил свои пять бедных кораблей на берег, упаковал все их имущество и со своей сотней или около того слуг и их дорожным багажом, под руководством какого-то дружелюбного Связиста, добрался до пустыни и подножия гор; после трехдневных усилий (как будто чудом, думали его слуги и думал Снорро) взобрался на почти отвесный склон, который был покрыт снегом. ведомые поперек, никогда без чудесной помощи Небес и Олафа обозные повозки не смогли бы подняться по этому пути! Короче говоря, о том, как он продвигался вперед, одолеваемый трудностями и самыми печальными мыслями; но терпеливо упорствовал, непоколебимо верил в Бога; и был твердо намерен вернуться и с Божьей помощью попробовать еще раз. Очевидно, очень набожный человек; хороший человек, борющийся с невзгодами, таких, каких боги, как мы все еще можем себе представить у древних, смотрят свысока, как на самое благородное зрелище.

Он добрался до Швеции, ко двору своего шурина; его приняли там достаточно любезно и благородно, хотя постепенно, возможно, и стали плохо воспринимать нынешние власти Норвегии. Так что вскоре он покинул Швецию; оставил там свою королеву с ее единственной дочерью, своей и ее, единственным ребенком, который у них был; у него самого был единственный сын "от рабыни" по имени Магнус, который впоследствии достиг великих высот; о ком и от чего, мало-помалу. С этим смышленным маленьким мальчиком и отборным эскортом слуг он отправился в Россию, к королю Ярославу, где мог спокойно ждать, не рискуя причинить вред добрым друзьям своим присутствием. Всего он, по-видимому, был изгнанником около двух лет — таково смутное представление; ибо ни в Снорро, ни в его Сагах нет хронологии, и приходится строить догадки. Он правил Норвегией, считая с первых дней своей высадки там до тех последних, когда он покидал ее через Доврефьельд, около пятнадцати лет, десять из которых были одержаны блестящими победами.

Новости из Норвегии, естественно, взволновали короля Олафа, и из-за колебаний тамошних событий его цели и перспективы сильно менялись. Иногда он подумывал о паломничестве в Иерусалим и отныне вести исключительно религиозную жизнь; но по большей части его благочестивые мысли сами по себе тянулись к Норвегии и возвращению к своему старому месту и задаче там, которые, как он твердо считал, были возложены на него Богом. Норвегия, судя по

слухам, явно не пребывала в покое. Ярл Хакон, находясь под высоким покровительством своего дяди, продержался там совсем недолго. Я не знаю, было ли его правительство особенно непопулярно, и помнил ли он сам о своей нарушенной клятве. Однако, по-видимому, он оставил в Англии прекрасную невесту; и, рассудив далее, что только в Англии можно найти свадебные украшения и другие свадебные наряды достаточно королевского вида, он отплыл туда, чтобы забрать ее и все остальное сам. Однажды вечером в диковатую погоду его видели около северо-восточного угла Пентланд-Фрит; ночь выдалась бурной; Хакона или что-либо еще из его флота больше никто не видел. Все ушло ко дну — нарушенные клятвы, свадебные надежды и все остальное; мышь и человек - в ревущие воды. Больше не было линии Противостояния, подобной той, что тянулась со времен старого язычника Хакона Ярла, вплоть до *финиса* его внука Хакона в Пентландском заливе. С исчезновением этого Хакона все исчезло.

Действительно, сам Кнут, хотя и принадлежал к империи, внезапно ставшей такой великой, был всего лишь временным явлением. Судьба решила, что великому и мудрому Кнуту суждено прожить недолго; и не оставить в наследство никого, кроме беспомощного молодого Харальда Заячьей Ноги, который вскоре скончался, и еще более глупого, сильно пьющего Хардакнута, который вскоре скончался от апоплексического удара (здесь, в Лондон-Сити, как я полагаю), с кубком у рта, выпивая за здоровье и счастье на свадебном пиру.

После того, как Хакон исчез таким мрачным образом, наступила пауза, как со стороны Кнута, так и со стороны Норвегии. Пауза или междуцарствие на несколько месяцев, пока не станет ясно, во-первых, действительно ли Хакон мертв, во-вторых, пока Норвегия, и особенно пока сам король Кнут, не сможет решить, что делать. Кнут, к глубокому разочарованию, о котором пришлось умолчать трем или четырем знатным норвежцам, не назвал ни одного из этих трех или четырех ярлов Норвегии; но вспомнил о некоем свейне, его собственном незаконнорожденном сыне, который, и почти еще больше его мать-англичанка, очень желали более подходящей для него карьеры в мире, с негодованием подумали они, чем карьера капитана над Йомсбургом, где до сих пор только отец мог обеспечить его. Свейна отправили в Норвегию в качестве короля или вице-короля к отцу Кнута, а вместе с ним и его любящую и пылкую мать. Ни один из них не снискал никакой благосклонности норвежцев благодаря тому способу управления, который они в конечном итоге продемонстрировали.

Олаф, узнав об этой перемене и о такой неуверенности, царящей повсюду в Норвегии относительно дальнейшего хода событий, приедет ли наконец Свейн, о чем ходили слухи, и сможет ли он прокормить себя, если приедет, подумал, что в этом может быть что-то вроде шанса для него самого и его прав. И после долгих колебаний, долгих молитв, благочестивых призывов и размышлений решил пойти и попробовать это. Последней крупницей, которая перевернула чашу весов, по-видимому, был утренний сон наяву, или почти зрительное видение, в котором он увидел своего славного кузена Олафа Тригвесона, который сурово увещевал, увещевал и ободрял его; и величественно исчез как раз в момент пробуждения Олафа; так что Олафу почти показалось, что он видел саму его фигуру, когда она растаяла в воздухе. "Пойдем дальше, пойдем дальше!" - всегда думал Олаф после этого. Он оставил своего сына не в России, а в Швеции с королевой, которая оказалась очень хорошей и мудро помогала ему. — в России Олафу больше ничего не оставалось, как с благодарностью попрощаться и приготовиться.

Его поход в Швецию, а оттуда в Норвегию и к горным перевалам, вниз по Вердалу, к Стикельстаду, и ожидавший его кризис прекрасно изображен Снорро. Во всем этом есть

описание (и мы ясно видим, что был и сам факт), своего рода патетическое величие, простота и грубое благородство; что-то эпическое или гомеровское, без гомеровского размера или пения, но со всей искренностью, суровой правдивостью природы и гораздо большим количеством благочестия, набожности, преклонения перед тем, что вечно Высоко в этой Вселенной, чем встречается нам у тех древнегреческих балладистов. Кроме того, все это необычайно наглядно, во всех деталях предстает перед вашим воображением, так что оно выделяется почти как вещь, которую вы видели на самом деле.

С Олафом было около трех тысяч человек; в основном они были собраны во время его путешествия по Норвегии. Четыреста человек, воспитанные неким Дагом, родственником, которого он нашел в Швеции и убедил пойти с ним, обычно маршировали отдельным отрядом; и были, или могли быть, довольно важным элементом. Узнав, что все бондарцы вооружаются, особенно в Тронхьеме, Олаф устремился к ним в самом тесном порядке, какой только мог. Ни в коем случае не очень близко, поскольку в такой стране трудно прокормить даже три тысячи человек. Его речь почти всегда была свободной и жизнерадостной, хотя мысли его всегда, естественно, носили высокий и серьезный, почти священный оттенок; прежде всего, он был набожен. Стигельстад, маленькая бедная деревушка, все еще стоящая там, где кончается долина, была, по мнению Олафа, и молчаливо бондарей тоже, естественным местом для сражения. Там однажды утром Олаф спустился с холмов: он построился в соответствии с лучшими правилами норвежской тактики, правилами небольшой сложности, но совершенно верными фактам. Я думаю, что впереди у него была чистая открытая местность, все еще довольно возвышающаяся над равниной; он мог видеть, как армия Бондеров еще не совсем прибыла, но продвигалась вперед спонтанными рядами или группами, в изобилии по всем тропинкам. Считалось, что это самая большая армия, когда—либо встречавшаяся в Норвегии; "конечно, не намного меньше, чем в сто раз больше сотни человек", по словам Снорро; несколько из них были большими бондарями, очень много маленьких Бондарей - все с волевым умом, одушевленные горячим чувством невыносимых ран. "Король Олаф наказывал великих и малых с одинаковой строгостью, - говорит Снорро, - что казалось знатным людям страны слишком суровым; и вражда достигла высшей точки, когда они потеряли родственников по справедливому приговору короля, хотя на самом деле были виновны. Он снова предпочел бы поступиться своим достоинством, чем пренебречь справедливым судом. Обвинение против него в скупости на деньги было несправедливым, поскольку он был самым щедрым человеком по отношению к своим друзьям. Но только это было причиной поднятого против него недовольства, то, что он казался жестким в своих возмездиях. Кроме того, король Кнут предложил большие суммы денег, и великие вожди были подкуплены этим, а также тем, что он предложил им более высокие почести, чем они обладали раньше ". На этой почве против невыносимого человека теперь со всех сторон выступали большие и малые.

Олаф понимал, что пройдет еще некоторое время, прежде чем армия Бондеров выстроится в шеренгу. Его собственный даг Швеции тоже еще не был поднят; у него должно было быть правое знамя; собственное знамя короля Олафа было средним, или великим; третье, или левое знамя, было у кого-то другого. Когда все было идеально расставлено по местам, согласно лучшим правилам, и оставалось только ждать прибытия Дага, Олаф приказал своим людям сесть и немного отдохнуть, чтобы привести себя в порядок. Были проведены религиозные службы: утреннее богослужение, каких было немного; сурово-искреннее до глубины души и глубокое, как смерть и вечность, по крайней мере, со стороны самого Олафа. В остальном Тормод спел самую свирепую скальдийскую поэзию, какая только была в нем; вся армия тут же запела ее

хором с пылким воодушевлением. Бондарь с ближайшей фермы подошел сказать Олафу, что он тоже хотел бы сражаться за него: "Благодаря тебе; но не надо, - сказал Олаф. - лучше оставайся дома, чтобы у раненых было какое-нибудь укрытие". Этому Связующему Олаф передал все деньги, которые у него были, с торжественным приказом потратить все это на мессы и молитвы за души тех его врагов, которые пали. "Кто из твоих врагов, король?" "Да, конечно, - сказал Олаф, - все мои друзья либо победят, либо уйдут туда, куда иду и я".

Наконец-то армия Бондера тоже была выстроена в шеренгу; три командира, один из которых имел что-то вроде расплывчатого главного командования, решили взять на себя ее руководство; и начали готовиться к реальному наступлению. Тем временем Олаф положил голову на колени Финна Арнесона, самого надежного из своих людей, и крепко заснул. Брат Финна, Калф Арнесон, когда-то близкий друг Олафа, был главой трех командиров на противоположной стороне. Они с Финном обратились друг к другу с гневной речью из противоположных рядов, когда подошли достаточно близко. Финн, видя, что враг приближается, разбудил Олафа ото сна. "О, зачем ты пробудил меня от такого сна?" - сказал Олаф глубоко торжественным тоном. "Что же это был за сон?" - спросил Финн. "Мне приснилось, что здесь есть лестница, поднимающаяся до самых Небес", - сказал Олаф. - "Я карабкался и карабкался, и добрался до самой последней ступеньки, и вошел бы туда, если бы ты дал мне еще минуту". "Король, я сомневаюсь, что ты *фейри*; мне не совсем нравится этот сон".

Настоящий бой начался около часа ночи в самый погожий последний день июля и был очень жестоким и жарким, особенно со стороны людей Олафа, которые немного оттеснили остальных, хотя и сами были достаточно свирепы; и если бы Даг был на земле, чего пока не было, считалось, что победа была бы одержана. Вскоре после начала битвы небо приобрело призрачный медный цвет, становясь все темнее и темнее, пока густая ночь не поглотила все вокруг; и не рассеялось снова, пока битва не подошла к концу. Даг со своими четырьмя сотнями прибыл в темноте и предпринял яростную атаку, которая впоследствии на языке людей получила название "буря Дага". Которая почти одержала верх, но не смогла до конца; победа снова склонялась на сторону гораздо более многочисленной партии. До сих пор неизвестно, как бы обернулось дело, ибо сам Олаф теперь сражался собственной рукой и направо и налево расправлялся со своими самыми опасными врагами. Но один из этих главных мятежников, Торер Хунд (считается, что он научился магии у лапландцев, с которыми он долгое время торговал и на которых зарабатывал деньги), загадочным образом не поддался на лучшие удары Олафа. Лучшие удары, к удивлению Олафа, подняли лишь пыль с (зачарованного) плаща из оленьей шкуры этого парня, - когда другой из вождей мятежников бросился вперед, нанес Олафу своим боевым топором страшную рубящую рану и с треском сломал ему бедро, так что он пошатнулся или был прислонен к ближайшему камню; и там сел, жалобно взывая к Богу помочь ему в этот тяжелый час. Другой известный повстанец (его имя надолго запомнилось в Норвегии) ударил Олафа ножом во второй раз, а затем и в третий. На котором благородный Олаф утонул за смертью и навсегда покинул эту собачью нору мира, что, как иногда кажется, мало достойно таких людей, как Олаф. Но это тоже ошибка, и даже важная, если мы будем упорствовать в ней.

Со смертью Олафа небо снова прояснилось. Битва, уже почти завершившаяся, закончилась полной победой мятежников, и почти без преследования и результатов, за исключением смерти Олафа. Все поспешили домой, как только исход большой Дуэли решился сам собой. Тело Олафа было тайно перенесено с наступлением темноты в какой-то флигель на ферме неподалеку от этого места; там к бедному слепому нищему, который в тот же вечер прокрался в

поисках убежища, чудесным образом вернулось зрение. И действительно, с заметной, почти чудесной скоростью чувства всей Норвегии к королю Олафу изменились сами по себе и перевернулись с ног на голову "в течение года" или почти в течение дня. Превосходный пример *вымирающего вида idem*. Больше не "Олаф Коренастый", а "Олаф Благословенный" или Святой, теперь явно на Небесах; таково его имя и характер с того времени и по сей день. Две церкви, посвященные ему (из четырех, которые когда-то стояли), стоят в Лондоне и по сей день. И чудеса, которые были совершены там, не говоря уже о Норвегии и христианском мире в других местах, во имя его, были многочисленными и великими на долгие столетия позже. С тех пор Олаф явно Святой; и, действительно, в *Болландусе* или где-либо еще я редко встречал материал лучше, из которого можно было бы сделать Святого или настоящего Мирового Героя во всех хороших смыслах.

Говоря о лондонских церквях Олафа, я должен был бы добавить, что от одной из них получила свое название трижды знаменитая улица Тули, где эти Три Портных, обращаясь к парламенту и Вселенной, величественно величали себя "Мы, народ Англии". Сент-Олав-стрит, Сент-Олей-стрит, Стули-стрит, Тули-стрит - таковы метаморфозы человеческой славы в мире!

Днем битвы при Стикельстаде, днем смерти короля Олафа, обычно считается среда, 31 июля 1033 года. Но при расследовании выясняется, что в том году в Норвегии не было видно полного солнечного затмения; хотя за три года до этого было одно; но 29-го вместо 31-го. Так что точная дата все еще остается неопределенной; Дальманн, новейший критик, склоняется к 1030 году и его бесспорному затмению. 15

ГЛАВА XI. МАГНУС ДОБРЫЙ И ДРУГИЕ.

Святой Олаф - самый высокопоставленный из этих норвежских королей, и последний, кто нас так привлекает. По этой причине, если бы причина не была излишней, мы могли бы здесь закончить наши скудные воспоминания об этих тусклых Властителях. Но мы, тем не менее, ради их связи с фрагментами английской истории, все же поспешим упомянуть дам одной или двух последующих, которые бросают мимолетный отблеск жизни и освещения на события и эпохи, которые в настоящее время настолько угасли среди нас, хотя когда-то они были такими важными и запоминающимися.

Новый король Свейн из Йомсбурга, внебрачный сын Кнута, не имел успеха в Норвегии и, похоже, не заслуживал его. Его мать-англичанка и он сам были признаны алчными, деспотичными личностями; и почти с того момента, как Олаф был подавлен и изгнан из Норвегии на Небеса, всеобщая ненависть к этой стране росла все больше и больше. Вполне заслуженно, как до сих пор кажется; ибо их налоги и вымогательства на солод, сельдь, муку, кузнечные изделия и все предметы, облагаемые налогом в Норвегии, были чрезмерными; а их

заслуги перед страной в остальном были почти незаметны. Короче говоря, единственной их основой была власть Кнута Великого; и она, как и все земное, была подвержена внезапному краху - и пострадала от этого в заметной степени. Король Кнут, едва достигший среднего возраста и величайший король в тогдашнем мире, умер в Шефтсбери в 1035 году, как считает Дальманн 16 лет, оставив двух законных сыновей и занятую интриганку вдову (норманнскую Эмму, вдову Этельреда Неготового), мать младшего из этих двоих; ни один из которых не проявил ни таланта, ни какой-либо продолжительности. Несмотря на все усилия Эммы, Харальд, старший сын Кнута, не ее сын, получил Англию в качестве своего королевства; Эмме и ее Харду-Кнуту пришлось довольствоваться Данией и отправиться туда во многом против их воли. Харальд в Англии — легкая фигурка, как и его отец до него, — получил здесь имя Заячья Нога; и мог бы хорошо поработать среди своего теперь упорядоченного и оседлого народа; но он умер почти через год и день; и не оставил у нас никаких следов, кроме "Заячьей ноги", из-за своей быстрой походки. Эмма и ее Харда-Кнут радостные вернулись в Англию. Но буйный, праздный и пьяный Хардакнут не принес там никакой пользы; и, к счастью для Англии и для него самого, вскоре все внезапно закончилось апоплексическим ударом на свадебном празднестве, как упоминалось выше. В Дании он сделал еще меньше добра. И действительно, при нем, через год или два, великое имперское здание, с таким трудом возведенное доблестью и мудростью Кнута, уже рухнуло до основания самым неожиданным и примечательным образом. Как мы сейчас должны указать со всей краткостью.

Тирания Свейна в Норвегии принесла такие плоды, что в течение четырех лет после смерти Олафа главные люди Норвегии, те самые убийцы короля Олафа, во главе сними Кальфом Арнесоном, тайно встречались раз или два и единодушно согласились, что Кальф Арнесон должен отправиться в Швецию или в саму Россию; искать юного Магнуса, сына Олафа, дома: превосходного Магнуса, который будет королем всей Норвегии и их, вместо этого невыносимого Свейна. Что и было немедленно сделано — Магнус вернулся домой с видом триумфатора, его ждала вся Норвегия. Против Невыносимого Свейна уже восстали: за несколько лет до этого некий молодой Трюгве из Ирландии, подлинный сын Олафа Трюггвесона и той прекрасной ирландской принцессы, которая выбрала его из—за его скромной одежды и низкого положения и увезла на свой собственный Зеленый остров, - этот юный королевич Трюгве Олафсон жестоко, доблестно и решительно напал на узурпатора Свейна; и хотя его отряд был слишком мал, некоторое время он превосходно сражался; пока Свейн, рьяно расшевелившись, не напал на узурпатора Свейна. умудрился его избить и убить. Но это было пару лет назад; отряд все еще был слишком мал, не включая всех до единого, как сейчас! Свейн, на этот раз без взмаха меча, двинулся в сторону Дании; больше никогда не показываясь в Норвегии. Его пьяный брат, Харда-Кнут, принял его по-братски; даже дал ему некоторую территорию, чтобы он правил ею и существовал. Но прожил он недолго; ушел из жизни раньше самого Хардакнута, и мы больше не будем упоминать о нем.

Магнус был прекрасным, сообразительным молодым человеком и проявил себя доблестным, мудрым и успешным королем, известным среди своего народа как Магнус Добрый. Он был всего лишь побочным сыном короля Олафа, но в те времена это не имело большого значения. Свое странное, неожиданное латинское имя он получил таким образом: Альфхильд, его мать, рабыня по несчастью на войне, хотя и благородного происхождения, была воспринята с надеждой; и в королевском доме было известно, как тесно Олаф был связан с этим происшествием и как сильно он любил эту "королевскую служанку", как ее обычно называли. Альфхильд уложили в постель поздно ночью; и весь мир, особенно король Олаф, спал; строгим правилом Олафа тогда

и всегда было: "Не буди меня": по—видимому, человек, бережно относящийся к своему сну. Ребенок был мальчиком довольно слабого телосложения; среди присутствующих не было ни одной важной персоны, за исключением Сигвата, королевского исландского скальда, который случайно еще не спал; и епископа Норвегии, за которым, я полагаю, послали в спешке. "Что же делать?" - спросил епископ. "Вот младенец, срочно нуждающийся в крещении; и мы не знаем, как его зовут; иди, Сигват, разбуди короля и спроси". "Я не осмелюсь ни за что на свете, - ответил Сигват. - На этот счет у короля строгие приказы". "Но если ребенок умрет некрещеным", - сказал епископ, содрогаясь; он и все остальные были слишком уверены в том, куда пойдет ребенок в этом случае! "Я сам дам ему имя", - сказал Сигват, отчаянно напрягая все свои способности. "Он будет тезкой величайшего из людей — императора Каролуса Магнуса; давайте назовем младенца Магнусом!" На следующий день король Олаф довольно резко спросил, как Сигват осмелился на такую вольность; но извинил Сигвата, видя, какой опасной была альтернатива. И Магнусом, по такой случайности, назвали этого мальчика; и он, а не кто-либо другой, является первооткрывателем этого имени Магнус, которое встречается довольно часто, не только среди нормандских королей, но постепенно и среди датских и шведских; и среди скандинавского населения, кажется, встречается довольно часто и по сей день.

Магнус, юноша великого духа, вся Норвегия теперь принадлежала ему и находилась в его подчинении, немедленно обрушился на Данию, естественно, желая отомстить за то, что она сделала Норвегии и священному роду Магнуса. Дания, ее великий Кнут умер, и вместо него остались только пьяный Харда-Кнут, беглый Свейн и Компания, превратившаяся в слабую, раздробленную Страну. И Магнус грабил его, сжигал, избивал так часто, как ему заблагорассудится; Харда-Кнут изо всех сил пытался оказать сопротивление или отомстить, но ни разу не одержал никакой победы над Магнусом. Магнус, как я понимаю, был, как и его Отец, умелым и доблестным бойцом на море и суше; Магнуса, обладавшего хорошими батальонами и, вероятно, поддержанного немедленным союзом с Небесами и Святым Олавом, как тогда считалось или догадывались о нем, нелегко было победить. И правда в том, что он никогда им не был, ни Харда-Кнут, ни кто-либо другой. Последней сделкой Харда-Кнута с ним было заключение прочного мира и даже Семейного договора, одобренного всеми грандами обеих стран, которые на самом деле в основном сами его заключили; их два короля согласились: между Данией и Норвегией должен быть вечный мир и больше не думать о войне; и что, если один из королей умрет бездетным, пока другой будет править, другой унаследует его в обоих королевствах. Великолепное соглашение, подобное которому несколько раз заключалось в мировой истории, но которое в данном случае, что очень странно, возымело реальный эффект: пьяный Хардакнут умер так быстро, а Магнус стал тем человеком, которым он был. Хотелось бы назвать дату заключения этого замечательного Договора, но невозможно с точностью. Предполагаю, где-то около 1040 года: [17](#) фактический результат этого пришел к Магнусу, вне всякого сомнения, в 1042 году, когда Харда-Кнут выпил чашу для возлияний на свадьбе в Ламбете и упал замертво; что в Саксонской хронике датировано 3 июня того же года. Узнав об этом событии, Магнус немедленно отправился в Данию; был радостно принят тамошними вождями, которые действительно вместе со своими товарищами в Норвегии были главными составителями Договора; обе страны жаждали взаимного мира и прекращения столь непрекращающихся распрей.

Магнус был торжественно принят в качестве короля Дании. Единственным несчастьем было то, что Свейн Эстритсон, изгнанный сын Ульфа, шурина Кнута, которого Кнут, как мы видели, бесцеремонно убил двенадцать лет назад, вышел из своего изгнания в Швеции в лестном

обличье; и предложил Магнусу сделать его ярлом Дании и главным администратором там вместо себя. На чем сангвиник Магнус, несмотря на советы об обратном, настаивал. "Слишком могущественный ярл", — сказал Эйнар Тамберскельвер - тот самый Эйнар, чей лук, как было слышно, сломался в последней битве Олафа Трюггвесона ("Норвегия вырвется из-под твоей руки, король!"), который теперь стал главным человеком Магнуса и долгое время был среди высших вождей Норвегии; "Слишком могущественный ярл", - искренне сказал Эйнар. Но Магнус проигнорировал это; и неприятный опыт должен был научить его, что это правда. Примерно через год хитрый Свейн, сведя концы с концами, добился того, что был провозглашен королем Дании ради себя самого, а не ярлом ради кого-то другого, и Магнусу пришлось его разбить и изгнать. Избивали каждый год; но почти всегда возвращался на следующий год для нового избиения, — почти, хотя и не совсем; в конце концов, получив один ужасный удар и наполовину убив его, который заставил его на некоторое время успокоиться, — пока Магнус был жив. Более того, в конце концов, он добился своего, как будто просто терпеливо терпя поражение; и действительно стал королем сам и прародителем всех последующих королей. Король Свейн Эстритсон; назван так по имени Астрид или Эстрит, своей матери, сестры великого Кнута, дочери Свейна Раздвоенной Бороды от этой удивительной Сигрид Гордой, которая сожгла сразу двух своих неподходящих женихов и получила подзатыльник от Олафа Трюггвесона, что доказало смерть этого высокопоставленного человека.

Но все это прекрасное состояние часто избиваемого Эстритсона было после смерти Магнуса, который никогда бы этого не перенес, будь он жив. Магнус был могучим бойцом, вспыльчивым человеком, очень гордым и позитивным, помимо прочих качеств, и обладал такой удачей, какой еще никто не видел. Удача неизменно сопутствует ему, говорили все; он ни разу не был побежден, — что доказывает, продолжали все, что его отец Олаф и чудесная сила Небес всегда были с ним. Магнус, я полагаю, действительно положил конец анархии в этих странах. Одним из его первых начинаний было уничтожить Йомсбург и вытоптать это гнездо пиратов. С которым он справился настолько успешно, что от Йомсбурга с тех пор осталось лишь воспоминание; и его местонахождение теперь неизвестно ни одному смертному.

При Магнусе, наконец, обнаружилась одна порочная вещь: новый претендент на корону Норвегии, и к тому же он был грозной личностью. Это был Харальд, сводный брат покойного Святого Олафа; следовательно, дядя или единокровный дядя самого Магнуса. Бесспорный сын матери Святого от отчима святого Олафа, который сам был прямым потомком Харальда Харфагра. Об этом новом Харальде уже много слышали в мире. Пылким пятнадцатилетним мальчиком он сражался бок о бок с королем Олавом при Стикельстаде; Святой не позволил ему уйти. Был сражен там наповал, но не убит; был тайно вывезен в ту ночь с поля боя с помощью друзей; вылечился от ран, переправлен в Россию, где вырос до настоящего мужчины, под блестящим покровительством и с успехом. Влюбился в русскую принцессу, но не смог жениться на ней; после этого отправился в Константинополь как *Верингер* (лейб-гвардеец греческого кайзера); стал главным капитаном верингеров, непобедимым защитником бедных кайзеров, которые тогда были, и наполнил весь Восток блеском и шумом своих подвигов. Подлинный *Варинг* или *Бэринг*, такую фамилию мы теперь получили от этих людей; которые были важным учреждением в этих греческих странах на протяжении нескольких веков: лейб-гвардия верингеров, состоящая из скандинавов, иногда с несколькими англичанами среди них. У Харальда были бесчисленные приключения, почти всегда успешные, поют скальды; он приобрел большое богатство, золотые украшения и золотые монеты; одно время в него влюбилась даже королева Зоя (так они поют, хотя и фальшиво); и он сам был выдающимся

скальдом; некоторые из стихов которого, отнюдь не худшие в своем роде, сохранились до наших дней.

Этот характер Уоринга очень отличает для меня Харальда; единственный уорингер, о котором я когда-либо мог получить хотя бы малейшую биографию, правдивую или наполовину правдивую. Похоже, греческие учебники истории лишь безразлично соответствуют этим записям Саги; и ученые говорят, что между ним и Зоей не могло быть серьезного романа, поскольку Зои на тот момент было 60 лет! Собственные песни Харальда ничего не говорят ни о какой Зое, но все еще полны тоски по своей далекой русской принцессе.

Наконец, из-за Зои, греческих извращений и вероломства, из-за неприятностей, которые не могли миновать, он решил покинуть Грецию; собрал свои несметные богатства в сжатые сроки и действительно вернулся в Россию, где его ждали новые почести и милости от старых друзей, и особенно, если я не ошибаюсь, рука этой очаровательной принцессы, венец всех его желаний на данный момент. Вскоре, однако, он решил и дальше заботиться о своем норвежском королевском наследии; и с этой целью отправился с войском к ярлу или квазикоролю Дании, часто терпевшему побои свейну, который сейчас находился в Швеции в своей обычной зимней ссылке после побоев. У него и Свейна, очевидно, были общие интересы. Свейн был очарован, увидев его, такого воинственного, славного и прославленного человека, к тому же с кучей денег при себе. Мало-помалу Свейн действительно стал вероломным; однажды ночью он даже попытался убить Харальда в его постели на борту корабля; но Харальд, бдительный по отношению к Свейну и человек быстрой и верной проницательности, предусмотрительно отправился спать в другое место, оставив под одеялами вместо себя бревно. В этом бревне на следующее утро был найден глубоко воткнутый боевой топор вероломного Свейна, который не без труда удалось извлечь! Но это было после того, как Харальд и сам король Магнус начали лечить; с самыми прекрасными перспективами, которые, естественно, имел тенденцию продвигать этот из лучших боевых топоров, поскольку это полностью положило конец другому партнерству.

Магнус, впервые услышав о верингсе Харальде и его намерениях, мгновенно собрался с духом и решил изо всех сил бороться с ним. Но мудрые влиятельные люди из его окружения, как и подобные им люди из окружения Верингса Харальда, искренне советовали пойти на компромисс и заключить мирное соглашение. Который вскоре после случая с ночным боевым топором Свейна был принят на вооружение; и, к радости всех сторон, действительно оказался успешным решением. Магнус согласился разделить свое королевство с дядей Харальдом; дядя разделил свои сокровища или объединил их с бедностью Магнуса. Каждый из них должен был стать независимым королем, но они должны были править сообща; Магнус скорее председательствовал. Он, например, сидел один на Высоком Троне; король Харальд напротив него на троне не столь высоком, хотя, если с визитом приезжал чужой король, оба норвежских короля должны были сидеть на Высоком Троне. С различными другими пунктуальными правилами, с которыми огненный Магнус был чрезвычайно строг, что делало их взаимоотношения очень опасными, если бы оба короля не были честными людьми, а Харальд - гораздо более благоразумным и терпимым, чем Магнус. В целом у них никогда не было серьезных ссор, время от времени скорее благодаря Харальду, чем Магнусу. Магнус тоже был очень благороден; и Харальд, с его большим опытом и большим стажем, тщательно скрывал свой вспыльчивый характер.

До приезда дяди Харальда Магнус проявил себя как Законодатель. Его Свод законов для провинции Трондхjem считался прекрасным законодательным актом; в последующие времена он получил название *Серый гусь* (Gragas); одно из самых замечательных названий, когда-либо данных мудрой книге. Некоторые говорят, что это произошло из-за серого цвета пергамента, некоторые называют другое невероятное происхождение; последнее предположение, которое я слышал, это то, что это имя просто обозначает древность; остроумным именем в Норвегии для стареющего человека в те времена было то, что теперь он "становится серым гусем". Действительно, очень фантастично; несомненно, однако, что Серый гусь - это название этого почтенного Свода Законов; более того, есть другой, еще более знаменитый, принадлежащий Исландии и почти на столетие моложе, исландский *Серый гусь*. Норвежский, возможно, датируется примерно 1037 годом, другой - примерно 1118 годом; мир им обоим! Или, если кто-то склонен к подобным вещам, пусть идет к Дальманну за самой полной информацией и такими мельчайшими деталями, которые могли бы почти позволить ему быть Адвокатом в Шелковой мантии в любом Суде, зависящем от этих Серых гусей.

Магнус прожил недолго. Однажды ночью ему приснился сон о том, как его отец Олаф приходит к нему в сияющем присутствии и объявляет, что теперь ему доступны великолепное состояние и мировая слава; но, возможно, его долг отказаться от этого; в этом случае его земная жизнь будет короткой. "Что же ты тогда собираешься делать?" - спросило сияющее присутствие. "Ты будешь решать за меня, отец, ты, а не я!" - и сказал об этом своему дяде Харальду на следующее утро, добавив, что, по его мнению, теперь он скоро умрет; что и подтвердилось фактом. Великолепное состояние, столь сомнительное в остальном, несомненно, имеет отношение к завоеванию Англии; на эту страну Магнус, как законный король *Дании*, а также бесспорный наследник пьяницы Хардакнута, по давнему договору, теперь имел некоторые очевидные права. Само предприятие было предоставлено терпеливому, веселому и благоразумному дяде Харальду; и для него оно действительно оказалось роковым — и просто проложило путь для Другого, более удачливого, но маловероятного!

Свейн Эстритсон, которого при жизни Магнуса постоянно били, мало-помалу добился согласия благоразумного Харальда *стать* королем Дании и положить конец этим утомительным и безрезультатным препирательствам; у Харальда были другие дела. Но осенью 1066 года Тости, младший сын нашего английского графа Годвина, прибыл ко двору Свейна с очень важным сообщением, а именно, что король Эдуард Исповедник, так называемый, умер, и что Гарольд, как пишут англичане, его старший брат не отдаст ему, Тости, достаточной доли в королевском титуле. Такое положение вещей, если бы Свейн пошел вместе с ним на поправку, было бы в значительной степени выгодно Свейну. Свейн, наученный многими побоями, был слишком мудр для этого предложения; отказался от Тости, который с негодованием перешел границу Норвегии и предложил это тамошнему королю Харальду. Свейн действительно получил значительное образование, я полагаю, благодаря своим многочисленным побоям и тяжелому жизненному опыту; впоследствии мы находим его уважаемым другом знаменитого историка Адама Бременского, который сообщает о различных мудрых гуманитарных науках и приятных беседах со Свейном Эстритсоном.

Что же касается Харальда Хардраде, "Харальда Жесткого", как его теперь называли, то предложение Тости пробудило в нем все его старые эринджерские амбиции и алчность, превратив их в пылающую ярость. Он горячо согласился и сразу же, собрав все свои силы, пустился в авантюру. Снарядил двести кораблей и самую большую армию, какую только мог

вместить, и поплыл с Тости к опасной Земле Обетованной. Вошел в Тайн и захватил добычу; проник в Хамбер, оттуда в Уз; легко подавил любое сопротивление официальных лиц или их населения, которое могло оказать сопротивление; победоносно рассеял их, победоносно взял город Йорк за один день; и даже добился там почитания себя "королем Нортумберленда", согласно договору, — Тости проявил честь, — Тости и он действовали в верном строгом сотрудничестве, и все выглядело процветающим и славным. За исключением единственного (важное исключение!) как они узнали наверняка, английский Гарольд продвигался изо всех сил; и через несколько часов, если не принять мер предосторожности, он сам будет в Йорке. Харальд и Тости поспешили захватить пост на Стэмфорд Бридж на реке Дервент, в шести или семи милях к востоку от Йорка, и там воспрепятствовать этому опасному наступлению. Их собственные корабли стояли неподалеку на реке Уз, на случай худшего. Битва, последовавшая на следующий день, 20 сентября 1066 года, навсегда вошла в историю Англии.

Снорро достаточно живо описывает это со стороны исландцев: кольцо рослых норвежцев, выстроенных в плотный ряд, со своими стальными инструментами в руках; армия английского Гарольда, в основном кавалерия, скачет и колет повсюду; пытается найти или проделать какую-нибудь брешь в этом кольце. Долгое время они тщетно пытались, пока, наконец, не соблазнились броситься куда-нибудь в погоню, они быстро развернулись и быстро покончили с этим делом. Снорро представляет английского Гарольда, когда подъезжает первый отряд этих всадников и, предварительно поприветствовав, спрашивает, там ли Тости и был ли Харальд; делает Тости щедрые предложения; но что касается Харальда и того, какая доля Англии должна была достаться ему, отвечая Тости словами: "Семь футов английской земли или больше, если ему потребуется, для могилы". На что Тости, как честный человек и партнер, сказал: "Нет, никогда; давайте лучше будем сражаться с вами, пока все не умрем". "Кто это говорил с тобой?" - спросил Харальд, когда всадники удалились. "Мой брат Харальд", - отвечает Тости; это больше похоже на сагу, но, в конце концов, может быть исторической. История битвы Снорро понятна только после того, как вы приложите к ней предпосылки, на которые он никогда не намекает, а именно, что сцена происходила на восточной стороне моста и Дервента; великая битва за мост, как в конце концов выясняется, произошла после падения Харальда; и для английских хронистов упомянутая борьба, которая была чрезвычайно жестокой, - это все, что они знают о битве.

Взбешенный тем, что его стальное кольцо пехоты вырвалось на свободу, норвежец Харальд воспытал истинно норвежской яростью, в нем пробудилась вся старая ярость вейрингеров и берсерков; он выскочил вперед и обеими руками крушил все, что попадалось ему на пути, не поддаваясь ни коню, ни человеку, пока стрела не пробила ему трахею и не уложила его навеки. Это был конец короля Харальда и его деяний в этом мире. То обстоятельство, что он был уорингом или Обнажением и разнес вдребезги столько восточных когорт или толп, и сочинял любовные стихи (что-то вроде железных мадригалов) своей русской принцессе, и привлекал внимание сомнительных греческих королей, и накопил такие кучи денег, в то время как у бедного племянника Магнуса было только одно золотое кольцо (которое принадлежало его отцу и даже матери его отца, как заметил дядя Харальд), и больше ничего из этого драгоценного металла, что могло бы сочетаться с сокровищами Харальда: все это для меня ново. , естественно, ни в одной английской книге нет и намека на это; и придает некоторый отблеск романтического великолепия этому туманному делу о Стэмфорд Бридж, ныне ставшему таким скучным и вялым для большинства английских умов, но трансцендентно важному, каким он когда-то был для всех англичан. Адам Бременский говорит, что англичане получили от людей

Харальда столько награбленного золота, что это было тяжелой ношей для двенадцати человек; 18 вещь явно невозможная, в которую никому не нужно пытаться поверить. Юный Олаф, сын Харальда, около шестнадцати лет, на предельной скорости спустившись по реке Уз, сбежал домой в Норвегию со всеми своими кораблями и впоследствии правил там вместе со своим братом Магнусом. Тело Харальда действительно пролежало в английской земле около года, но затем было перевезено в Норвегию для захоронения. Некоторые говорят, что ему требовалось больше семи футов могилы; Лэйнг, интерпретируя измерения Снорро, дает рост Харальда в восемь футов — я очень надеюсь, с некоторой погрешностью!

ГЛАВА XII. ОЛАФ БЕЗМЯТЕЖНЫЙ, МАГНУС БОСОНОГИЙ И СИГУРД КРЕСТОНОСЕЦ.

Новый король Олаф, брат которого Магнус вскоре умер, правил Норвегией около двадцати пяти лет. Правил мягко и кротко, не так, как его отец, и склонялся скорее к совершенствованию в искусстве и элегантности, чем к чему-либо суровому или опасно трудоемкому. Стройный, остроумно говорящий, популярный и симпатичный мужчина с необычайно яркими глазами и волосами, похожими на шелковую нить: его называли Олаф *Kirre* (Спокойный или Покладистый).

Он значительно улучшил дворцовые церемонии. Дворец все еще продолжал строиться из огромных бревен, пирамидально наклоненных вверх, с камином в середине пола и без выхода дыма или проникновения света, кроме как прямо над головой, которую в плохую погоду можно было закрыть или почти закрыть крышкой. Крышка изначально сделана из простой непрозрачной доски, но позже заменена легкой рамкой, покрытой (*глазурированной*, так сказать) внутренностями животных, осветленными до прозрачности. Все это Олаф, я надеюсь, усовершенствовал, когда расставлял придворных дам, чиновников и тому подобное; но я сомневаюсь, что ему когда-либо была известна роскошь стеклянной витрины или чаши для питья, которая не была сделана из металла или рога. На самом деле я упоминаю о нем здесь главным образом ради его сына; и о сыне я тоже мало беспокоюсь по-настоящему, а только в некотором роде фантастически.

Этого сына зовут Магнус *Барфод* (Босоногий); и если вы спросите, почему так, ответ будет таков: он время от времени появлялся на улицах Нидароса (Трондхьема) в полной шотландской одежде горцев. Настоящий шотландский плед и филибег той эпохи — к удивлению Трондхьема и нас! По правде говоря, ему очень нравились эти Гебриды и другие его шотландские владения; и, видя, что Англия теперь совершенно невозможна, он нетерпеливо размышлял о каком-нибудь завоевании Ирландии в качестве следующего лучшего. Он действительно усердно путешествовал и осматривал эти Оркнейские и Гебридские острова; наводил там порядок, назначал строгих властей, ярлов — нет, короля "Королевства Судерор" (Южные острова, ныне называемые *Содор*), - и первым королем был Сигурд, его хорошенький девятилетний мальчик.

Сделав все это и уладив некоторую ссору со Швецией, он всерьез занялся посещением в еще более решительной манере; а именно, вторгся, используя свои лучшие навыки и силы, в значительное виртуальное или фактическое королевство, которое у него было в Ирландии, намереваясь полностью расширить его до предельных пределов Острова, если это возможно. Он благополучно добрался до Дублина (предположительно, 1102 год н.э.). Он уже пользовался значительным авторитетом даже среди этих бедных ирландских королей или королек в их блестящих и желто-шафрановых одеждах; еще большим, я полагаю, среди многочисленных тамошних скандинавских княжеств. "Король Мердог, король Ирландии, - говорится в "Хронике Человека", - обязал себя каждый Святочный день брать пару башмаков, вешать их на плечо, как делает ваш слуга в путешествии, и проходить по своему двору по приказу и в присутствии посланца Магнуса Босоногого в знак уважения к упомянутому королю". Мердог по этому важному случаю оказал все почести, какие от него могли потребоваться; но это, хотя и было удобно, далеко не удовлетворяло честолюбивый ум великого Короля. Великий король покинул Мердога; покинул свой собственный Дублин; двинулся на запад для всеобщего завоевания Ирландии. Какое-то время легко одерживал победы; и добрался, как говорят, до дебрей Коннахта, но там увидел себя окруженным засадами и дикими ирландскими физиономиями, жаждущими зла; и внезапно ему пришлось построиться для битвы; место, к сожалению, совершенно неизвестное для меня; известно только, что оно было крайне заболоченным. Достаточно уверенный, слишком уверенный и очевидный, Магнус Босиком, жадно ища, не мог найти там твердой опоры; и, яростно сражаясь по колено или глубже, не имел никакого результата, кроме почетной смерти! Дата уверенно обозначена "24 августа 1103 года", как будто люди знали сам день месяца. Местные жители гуманно похоронили короля Магнуса по-христиански. Остатки его отряда без дальнейших помех нашли свои корабли у берегов Ольстера и отплыли домой, так и не завоевав Ирландию; более того, возможно, оставив королевского Мердога довольным тем, что его процессия была освобождена от пары башмаков.

Магнус Босоногий оставил троих сыновей, всех королей сразу, мирно правивших вместе. Но для нас в настоящее время единственным достойным внимания человеком из них был Сигурд; который, не найдя ничего особенного, чем можно было бы заняться дома, оставил своих братьев заботиться о нем и отправился в далекое путешествие, которое сделало его заметным в толпе. Путешествие через Гибралтарский пролив, далее в Иерусалим, оттуда в Константинополь; и так домой через Россию, сияющую такой славой, которая в настоящее время заполнила всю Норвегию. Король по имени Сигурд Джорсалафарер (Иерусалимец) или отныне Сигурд Крестоносец. Его путешествие лишь частично было по типу викингов; в целом оно было скорее королевским прогрессом; викингизм вмешивался только в случаях нецивилизованности или чего-то подобного. Его принимали при дворах Португалии, Испании, Сицилии, Италии с почетом и роскошью. Король Иерусалима разразился величайшим великолепием и изливанием чувств при виде такого паломника; и Константинополь оказал свои высочайшие почести такому принцу Верингов. И правда в том, что Сигурд по сути своей был мудрым, способным и рассудительным человеком; который, пережив обоих своих братьев, долгое время правил в одиночку прочно и успешно. Он демонстрирует черты оригинального, независимо мыслящего человека; что-то от сурово сильного, искреннего и честного, с особенностями, которые являются приятными и даже трогательными в его характере и темпераменте; как, безусловно, и жизненный путь, который он избрал, был его собственным выбором, и достаточно своеобразным. Более того, оноказался тем, кого он меньше всего мог выбрать или ожидать, последним из Генеалогии Хаарфагров, кто имел какой-либо успех или

заслуживал его в этом мире. Последний из хаарфагров, или такой же хороший, как последний! Так что, как ни странно, на самом деле Сигурд, после всех его крестовых походов и чудесных приключений, запомнился нам здесь только по одной причине: появлением ирландского джентльмена по имени "Гилле Крист" (Гил-крис, Слуга Христа), который — не слишком желанный гость, я бы сказал, но (бессознательно) преуспевший в вышеупомянутом результате — появился в Норвегии, когда верховодил король Сигурд. Давайте немного объясним.

Этот Гилле Крист, бессознательно роковая личность, "несовершенно говорившая по-норвежски", объявил себя внебрачным сыном тома Магнуса Босоногого; он родился там, когда участвовал в том злополучном "Завоевании Ирландии". "Со мной идет моя мать, - сказал Гилкрист, - которая заявляет, что мое настоящее имя при крещении было Харальд, данное мне этим великим королем; и которая возьмет в руки раскаленные лемехи плуга или подвергнется любому разумному испытанию в подтверждение этих фактов. Я настоящий сводный брат короля Сигурда: что, по мнению короля Сигурда, будет справедливо сделать со мной? Сигурд явно, кажется, поверил, что этот человек говорит правду; и действительно, никто не сомневался, кроме него. Сигурд сказал: "Достойное пропитание получишь ты от меня здесь. Но под страхом полного уничтожения поклянись, что ни при мне, ни при моем юном сыне Магнусе ты никогда не будешь претендовать на какую-либо долю в этом Правительстве". Гилле поклялся и пунктуально сдержал свое обещание во время правления Сигурда. Но при Магнусе он явно нарушил его; и, в результате, на протяжении многих царствований и в течение трех или четырех поколений после этого вызывал невыразимые раздоры, массовые убийства, неразбериху в стране, которую он принял. Со времени смерти Сигурда (1130 г. н.э.) насчитывается около ста лет гражданской войны: ни одному королю не позволено отличиться прочным, преуспевающим правлением или вообще каким—либо продолжительным правлением - иногда одновременно сражаются до четырех королей; — а в Норвегии, от отца к сыну, ничего, кроме кровавой анархии, катастроф и замешательства; страна неуклонно катится, как будто к полному разорению. Из всех этих ужасных страданий и раздоров ирландец Гилле, впоследствии названный королем Харальдом Гилле, был, по злой судьбе или иным причинам, видимым источником: незаконнорожденный ирландец Хаарфагр, который оказался своей погибелью и гибелью всего рода Хаарфагр!

Сам Сигурд, кажется, всегда благоволил Гилле, который был веселым, проницательным, терпеливым, остроумным и умелым парнем; и поначалу ему приходилось терпеть много насмешек со стороны молодых людей из-за его ирландской манеры говорить по-норвежски и по другим причинам. Например, однажды вечером, когда выпивка разливалась по кругу, Гилле упомянул, что ирландцы обладают замечательным талантом быстрого бега и что среди них есть люди, которые могут угнаться за самой быстрой лошастью. На что, особенно со стороны юного Магнуса, раздалась взрывы смеха; и заявление последнего, что они с Джилле попробуют это сделать завтра утром! Гилле тщетно убеждал, что сам он не считал себя настолько быстрым бегуном, чтобы угнаться за лошадьми принца; он лишь утверждал, что в Ирландии есть люди, которые могут это сделать. Магнус был уверен; и рано утром следующего дня Гилле должен был быть на земле; и гонка, естественно, с большими ставками, действительно удалась. Гилле стартовал параллельно стремени Магнуса; бежал как косуля и явно был впереди у цели. - Нечестно, - сказал Магнус. - ты, должно быть, ухватился за мое кожаное стремя и помогал себе двигаться дальше; мы должны попробовать еще раз. Во второй раз Гилле побежала за лошадью, затем, в конце концов, прыгнула вперед и снова оказалась довольно далеко впереди. "Ты, должно быть, держался за хвост, - сказал Магнус. - Это было невозможно при честном беге; мы должны попробовать в третий раз!" В этот третий раз Гилле стартовал впереди Магнуса и его

лошади; держался впереди с увеличением дистанции, Магнус скакал изо всех сил; и достиг цели более ощутимо, чем когда-либо. Так что Магнусу пришлось оплатить свое пари, а также прочий ущерб и унижение. И получил от своего отца, который вскоре после этого услышал об этом, насмешливо упрекнув его как глупца, который не знает ценности людям, а только их одежду и звание, и вполне заслужил то, что получил от Гилле. Все время, пока был жив король Сигурд, Гилле, похоже, пользовался хорошим признанием и защитой этого знаменитого человека; и, действительно, снискал всеобщую благосклонность благодаря своему спокойному поведению в обществе и качествам, которые он проявлял.

ГЛАВА XIII. МАГНУС СЛЕПОЙ, ХАРАЛЬД ГИЛЛЕ И ВЗАИМНОЕ ВЫМИРАНИЕ ХААРФАГРОВ.

После смерти Сигурда Крестоносца Магнус, естественно, взошел на трон; Гилле какое-то время хранила молчание и жизнерадостное выражение лица. Но прошло совсем немного времени, прежде чем со стороны Гилле возникли претензии, пока между ним и Магнусом не разгорелась война, пока искусный, популярный, всегда активный и изворотливый Гилле полностью не победил Магнуса; выколол ему глаза, изуродовал его бедное тело ужасным и безымянным способом и запер его в монастыре, объявив отныне вне игры. Там, в своей мрачной нищете, Магнус теперь жил монахом; норвежское население называло его "Магнус Слепой"; вместо него победоносно правил король Харальд Гилле. Но и это было лишь на время. Появились жаждущие мести родственники Магнуса, у которых в норвежском не было ирландского акцента, и которые сами были достаточно нетерпеливы, чтобы править в своей родной стране. От одного из них — ужасно упрямого, боевого, жестокого и безответственного парня, который также был незаконнорожденным сыном Магнуса Босоногого и был сделан священником, но ему это невыносимо не нравилось, и он сорвался с места и пустился в самые дикие поступки дома и за границей; так что его нынешнее имя стало "Слемби-диаkn", Худой или Большой Дьякон, под которым о нем много шума в Snorro и Saгах: этим Худым Дьяконом Гилле был положен конец (убит ночью, пьян в его сон); и бедного слепого Магнуса вывели наружу и снова заставили действовать как короля или Королевского Плаща, в надежде, что потомство Гилле никогда больше не одержит победы. Но потомки Гилле сделали это, как к победе, так и к поражению, и привели к смерти Магнуса и Слим-Дикона ужасным образом; и все они постепенно тоже умерли. Короче говоря, эти два вида (считающиеся достаточно аутентичными жителями хаарфагра, оба вида из них) оказались теперь настоящим кладезем драконьих зубов; они взаимно сражались, строили заговоры, боролись, как будто это было делом их жизни; никогда не прекращали сражений и редко надолго прерывали их, пока не истребляли друг друга и, наконец, не обретали покой в смерти. Одного из этих более поздних временных королей Гилле я помню по имени Харальд Хердебред, Харальд Широкоплечий. Самым последним из них, я думаю, был Харальд Мунд (Харальд из *Кривого Рта*), который дал жизнь двум самозванцам, выдававшим себя за его Сыновей, спустя долгое время после того, как сам бедный Кривозуб и

все его причиняющее беспокойство имущество были тихо спрятаны под землей. Можно себе представить, что пережила Норвегия в тот печальный век.

ГЛАВА XIV. СВЕРРИР И ЕГО ПОТОМКИ, ЗАКОНУ СТАРОМУ.

Концом этого было, или, скорее, первым ослаблением и *началом* конца, то, что, когда все это продолжало ухудшаться в течение примерно сорока лет или около того, некто Сверрир (1177 г. н.э.) во главе вооруженной толпы бедняков, называемых *Биркебейнами*, появился на сцене. Довольно странная фигура в истории, этот Сверрир и его биркебейны! Поначалу они были просто насмешкой для просвещенной норвежской общественности. Тем не менее, благодаря неслыханным сражениям, голоду, напряжению и выносливости Сверрир после десяти лет такой смертельной борьбы с людьми и вещами добился признания себя королем; и благодаря удивительной трате изобретательности, обычной хитрости, елейному парламентскому красноречию или почти Популярной проповеди и (это следует признать) общечеловеческим способностям и доблести (или ценности) в затуманенном и искаженном состоянии победоносно продолжил это. И основал новую династию в Норвегии, которая прекратила свое существование только с выделением Норвегии почти через триста лет.

Этот Сверрир называл себя сыном Харальда Кривоусого, но на самом деле был сыном бедного гребенщика из какого-то маленького норвежского городка; в остальном о сыновстве Кривоусого никто не слышал до тех пор, пока он не добился больших успехов. Его Биркебейны (то есть *берестяные ножки*; бедные мятежные негодяи удалились в леса; и были вынуждены, помимо невыносимой нехватки пищи, укрывать свои тела от холода всем, что можно было раздобыть, а ноги особенно берестяной корой; печальный вид ворсистых чулочно—носочных изделий; отсюда их прозвище), — его Биркебейны, я полагаю, всегда были чем—то вроде норвежской *жакерии*: отчаянного восстания рабов и неимущих, сведенных с ума своим поведением. невыносимые страдания и голод - их *глубочайший* слой нищеты, самый плотный и тяжелый, в этом смысле всеобщая нищета Норвегии, которая длилась до третьего поколения и, казалось, будет длиться вечно, - после чего они восстали, провозглашая в этой яростной немой манере, непонятной разве что Небесам, что подобное больше не может и не будет терпеться! И благодаря своему Сверриру, как ни странно, они действительно достигли своего рода постоянного успеха; и из унылого посмешища в Норвегии они стали важными, а на какое-то время и вовсе незаменимыми там. Их оппозиционные прозвища "*Баглеры* (от Bagall, *бакулус*, епископский посох; епископ Николай был главным Лидером)", "*Златоногие*" и тому подобные неясные термины (поскольку впереди все еще был значительный курс контрбатареи борьбы, и особенно контрпрозвищ), я полагаю, означали на норвежском языке семь веков назад "надутая аристократия", "тираническая буржуазия", - пока в следующем столетии эти арендные платы снова не были закрыты!

Король Сверрир, сам не обученный изготовлению гребней, на пятом курсе отправился к своему дяде, епископу на Фарерских островах; и получил у него некоторое значительное образование с целью получения Сверриром Священства. Но Сверриру эта карьера не понравилась, и он бежал и тайком перебрался к биркебейнам; которые, заметив ученый язык и другие чудесные качества этого человека, предложили назначить его их капитаном; и даже пригрозили убить его, если он не согласится, — что, таким образом, на острие меча, как говорит Сверрир, он был вынужден сделать. Именно после этого он задумался о том, чтобы стать сыном Кривого Рта и другими высшими существами.

У него были биркебейны, и он, безусловно, обладал талантом ведения предвыборной кампании, равного которому вряд ли когда-либо было. Они сражались как дьяволы против любого численного превосходства; и перед битвой, как известно, они шесть дней шли вместе без пищи, за исключением, возможно, внутренней коры деревьев, и в одежде и обуви, напоминавшей обычную бересту: однажды, где-то в Доврефельде, между ними состоялся серьезный совет, не следует ли им всем, как одному человеку, прыгнуть в замерзшие пропасти или сразу же полностью перебить друг друга и так покончить. Об их поведении в битве, более жестоком, чем у *Баресаркса*, где когда-либо видели подобную параллель? По правде говоря, в это черное время они кажутся смутным, странным объектом, чудесным образом внося в него свет; и при таких неожиданных обстоятельствах они оказались началом лучших дней!

Из публичных выступлений Сверрира до сих пор существуют подлинные образцы; поистине замечательные и во многом характерные для такого Сверрира. Король-гребенщик, очевидно, имевший в виду несколько хороших и солидных вещей; и также осуществлявший их вопреки такому элементу норвежского хаоса -приди-снова. Его потомки и преемники были сравнительно респектабельным родом. Последний и величайший из них, которого я упомяну, - это Хакон VII, или Хакон Старый; слава о нем все еще жива среди нас, по крайней мере, после битвы при Ларге.

ГЛАВА XV. ХАКОН СТАРЫЙ В ЛАРГСЕ.

В скандинавских летописях наша знаменитая битва при Ларгсе занимает незначительное место или почти отсутствует вовсе среди сражений и подвигов Хакона. Они действительно говорят, эти скандинавские летописцы, что король Шотландии Александр III. (которого со временем постигла такая же участь среди скал около Кингорна), очень хотел купить у короля Хакона его суверенитет над Западными островами, но Хакон демонстративно отказался; и, наконец, будучи снова обеспокоенным этим делом, решил дать отказ, который не мог быть ошибочным. Решил, а именно, отправиться с большой экспедицией и тщательно осмотреть ту часть своих Владений, где, без сомнения, многое пошло наперекосяк со времени грандиозного визита туда Магнуса Бэрфута и, кажется, вызывает алчность плохих соседей! "Все это мы снова приведем в порядок, - думает Хакон, - и подготовим его к безопасной обороне". Хакон отплыл соответствующим

образом с сильным флотом; по мере долгого плавания он устраивал перестановки на своих Гебридских островах и высаживался на побережье Шотландии, чтобы грабить и карать так, как считал нужным. Шотландцы говорят, что он потребовал от них Арран, Бьют и Две Камбры ("подаренные моим предкам Дональдом Бейном", - сказал Хакон, к изумлению шотландцев) "как часть Судопера" (Южных островов): — так далеко от продажи этого прекрасного королевства! — и что именно после взятия Аррана и Бьюта он совершил свой поход в Ларгс.

О ларгах вообще нет упоминаний в скандинавских книгах. Но, вне всякого сомнения, таково другое свидетельство, Хакон действительно высадился там; высадился и сражался, не побеждая, вероятно, скорее потерпев поражение; и совершенно определенно "удалился на свои корабли", как в любом случае ему подобало поступить! Далее, несомненно, что погода на этих диких побережьях ужасно жестоко обошлась с ним; и в целом, вполне вероятно, как свидетельствуют шотландские записи, что в Ларгсе с ним поступили так особенно жестоко. Скандинавские летописи или Саги просто говорят, что он потерял много своих кораблей из-за бурь и много своих людей на суше, сражаясь в различных частях света, — без сомнения, включая Ларгса, который был последним из этих несчастий для него. "В битве здесь он потерял 15 000 человек, говорят шотландцы, мы - 5000"! Разделите эти цифры на десять, и превосходно краткое и доходчивое шотландское резюме Бьюкенена можно считать приблизительно верным и точным. ¹⁹ Дата битвы - 1263 год н. э.

И по сей день на небольшой равнине к югу от деревни, ныне города Ларгс, в Эйршире, видны каменные пирамиды и монументальные нагромождения, а еще, примерно столетие назад, один огромный, одинокий, стоящий вертикально камень; все еще безмолвно свидетельствующий о произошедшей там битве — совершенно очевидно, об этой битве при короле Хаконе; который, согласно скандинавским записям, тоже был в этих окрестностях в то же время и, очевидно, пребывал в агрессивном, возвышенном настроении. Ибо "в то время как его корабли и армия удваивали количество Кантиров, он приказал поставить свою собственную лодку на колеса и в ней, что достаточно великолепно, перевалил через мыс в более плоской части", без сомнения, с трубящими рожками и развевающимися знаменами. "Все, что слева от меня, принадлежит мне и Норвегии", - воскликнул Хакон на своей триумфальной лодке "Прогресс", за которой вскоре последовали такие катастрофы.

Хакон собрал свои обломки и печально направился на Оркнейские острова. Вполне возможно, как теперь говорится в наших Путеводителях, что он мог пройти мимо Айоны, Малла и узких морей внутри Ская; и что *Кайл-Акин*, хорошо известный любителям морских прогулок в этом регионе, на самом деле может означать Кайл (узкий пролив) Хакона, где Хакон, возможно, бросил якорь и немного отдохнул в спокойной воде и красивой окружающей среде, в безопасности от равноденственных штормов. Но сердце бедного Хакона было разбито. Он отправился на Оркнейские острова; умер там зимой; никогда больше не видел Норвегии.

Именно он объединил Исландию, которая была Республикой в течение четырех столетий, с его королевством Норвегия: долгая и запутанная операция, которой руководил наш Снорро Стурлесон, столь часто цитируемый здесь, который действительно расстался с жизнью (в результате покушения со стороны своих зятьев) и, лишившись огромного богатства, сразу же погрузился в нулевую нищету, — однажды в полночь в своем собственном подвале, в ходе этого скверного дела. Хакон был великим политиком в свое время; и преуспел во многих вещах, прежде чем потерял Ларгса. Смерть Снорро от убийства произошла примерно за двадцать лет

до смерти Хакона от разбитого сердца. Его зовут Хакон Старый, хотя, судя по всему, ему было всего пятьдесят девять лет - вероятно, довольно долгая жизнь для норвежского короля. Повествование Снорро обрывается, когда родился сам Снорро, то есть на пороге правления короля Сверрира, о подвигах которого и сомнительном происхождении которого некоторые предполагают, что Снорро охотно воздерживался говорить в присутствии такого Хакона.

ГЛАВА XVI. ЭПИЛОГ.

Родство Хаарфагра просуществовало в Норвегии около трех столетий; родство Сверрира просуществовало там до третьего столетия; сколько времени прошло после этого среди соседних родств, я не уточнял. Ибо благодаря королевскому родству, кровному родству и неожиданным случайностям и переменам три скандинавских королевства мирно объединились при королеве Маргарите из Кальмарского союза (1397 г. н.э.); и Норвегия, теперь объединенная с Данией, больше не нуждалась в королях.

История этих хаарфагров пробудила во мне много мыслей: о деспотизме и демократии, произвольном правлении одного и самоуправлении (что означает отсутствие правительства или анархию) всех; о диктатуре со многими недостатками и Всеобщем избирательном праве с небольшой возможностью какой-либо добродетели. Ибо контраст между Олафом Трюггвесоном и парламентом со Всеобщим избирательным правом или "Имперским" капитаном Медной Полиции за эти девять столетий стал очень велик. И вечное Провидение, которое руководит всем этим и создает подобные сущности с их эпохами, не продолжается ли его путь через великую бездну? Не говорит ли оно все еще с нами, если у нас есть уши? Здесь, облаченное в достаточно бурные страсти и инстинкты, не сознающее никакой цели, кроме собственного удовлетворения, находится благословенное начало Человеческого Порядка, Регламентации и реального Правительства; там, облаченное в совершенно иное, но опять же подходящее убранство страстей, инстинктов и столь же неосознанное относительно реальной цели, находится выглядящий проклятым конц (временный конец) Порядка, Регламентации и Правительства; — очень мрачный для здравомыслящего наблюдателя на данный момент; в остальном не мрачный для него, его надежда тоже непоколебима! Но, во всяком случае, здесь, в этом бедном норвежском театре, с интересом наблюдаешь за первым превращением, таким таинственным и непонятным, человеческого Хаоса в нечто вроде членораздельного Космоса; становишься свидетелем диких и странных родовых мук Человеческого общества и размышляешь о том, что без чего-то подобного (как бы мало люди ни ожидали этого сейчас) ни один Космос человеческого общества никогда не возникал и никогда не сможет возникнуть снова.

Насилие, драки, преступления — ах да, они редко заканчиваются неудачей, и они очень прискорбны. Но и среди этих старых популяций всегда был один спасительный элемент; нынешняя нужда в котором, особенно в том, о чем не жалеют, превосходит все сожаления. Вот одно из тех странных, пронзительных, крылатых слов Рескина, в которых заключена ужасная правда для нас в эти наступившие эпохи: -

"Друзья мои, безумства современного либерализма, какими бы многочисленными и великими они ни были, практически сводятся к этому отрицанию или пренебрежению качеством и внутренней ценностью вещей. Его прямоугольные заповеди блаженства и сферические благосклонности, теология всеобщего снисхождения и юриспруденция, которая не будет вешать негодяев, означают, в корне все они, неспособность различать или отказ различать полезное и недостойное во всем, и меньше всего в человеке; тогда как Природа и Небеса повелевают вам, на свой страх и риск, отличать полезное от недостойного во всем, и больше всего в человеке. Ваша главная проблема — древняя и банальная: "Кто шафер?", и Судьба прощает многое, — прощает самые дикие, свирепые, жестокие эксперименты, - если они честно проводятся для ее решения.

"Воровство и кровная вина не доставляют им удовольствия; однако благосклонные силы духовного и материального мира подтвердят вам ваше награбленное добро, и их самые благородные голоса поаплодируют поднятию Вашего копья и отрепетируют изваяние вашего щита, если только ваше ограбление и убийство были справедливым решением вопроса: "Кто лучший?" Но если вы отказываетесь от такого исследования и поддерживаете каждого человека на равных с его ближним, — если вы даете право голоса простым и свободу подлым, силы этих духовных и материальных миров в свое время неизбежно поставят вас перед той же проблемой, разрешимой теперь только обратной стороной вверх; и тогда вы должны будете грабить и убивать, чтобы выяснить: "Кто худший человек?" Что при таком широком порядке награждения за заслуги, действительно, нелегко; но вы обязательно найдете полное кольцо Таммани и низший круг в Аду Худшего, и им будут управлять ".[20](#)

Все читатели согласятся, что в этих королях Хаарфагра было что-то от природы королевское. Невероятно великий род; в нем насчитывается два Героя высокого, или почти высшего, типа: первые два Олафа, Триггвесон и Святой. И, глядя на них, насколько мы можем судить, я часто думал, насколько это было по сути Гомеровски: — в самом деле, что такое сам "Гомер", как *нерапсодия* пяти веков греческих скальдов и бродячих исполнителей баллад, написанная (то есть "сшитая воедино") кем-то более музыкальным, чем был Снорро? Олаф Трюггвесон и Олаф Сейнт также нравятся мне своей прозаической формой; они предлагают мне правду о них, как будто увиденные в их реальных чертах, благодаря какому-то чудесному открытию (благодаря искусству Снорро) сквозь черные слои веков. Двое высоких, почти среди высочайших сынов Природы, видимых такими, какими они были на самом деле; вполне сравнимых или превосходящих богоподобного Ахиллеуса, ранящего богиню Диомеда, гораздо больше двух Атридаев, Регуляторов Народов.

Я также часто думал, какая Книга могла бы получиться о Снорро, если бы появился человек, наделенный должной литературной проницательностью и неутомимым трудолюбием; который, добросовестно ознакомившись с топографией, монументальными памятниками и иллюстративными фактами Норвегии, тщательно изучил лучшие свидетельства о месте и времени, которые эта страна все еще может ему дать, тщательно изучил лучшие сопутствующие

записи и хронологии других стран, и который, сам обладая высочайшими способностями Поэта, мог бы, сокращая, упорядочивая, разъясняя, довести Снорро до отточенного Космического состояния. , неустанно очищая его от большого количества хаотичной материи! Современный "Поэт высшей пробы", способный к неограниченному рабскому труду, которого, боюсь, не скоро можно ожидать в этом мире или который, вероятно, нашел бы свое дело вХеймскрингле, если бы он здесь появился.

СНОСКИ:

1 (return)

[J. G. Dahlmann, *Geschichte von Dannemark*, 3 vols. 8vo. Hamburg, 1840-1843.]

2 (возвращение)

["Урегулирование", датированное 912 годом, Мунком, Эно и др. В Саксонской хронике говорится (876 год от Рождества Христова): "В этом году Рольф со своей армией захватил Нормандию и правил пятьдесят зим".]

3 (возвращение)

[Дальманн, ii. 87.]

4 (возвращение)

[Дальманн, ii. 93.]

5 (возвращение)

[Снорро Лэйнга, i. 344.]

6 (возвращение)

[*Opera Omnia* Дж. Бьюкенени, i. 103, 104 (Куранте Руддимано, Эдинбург, 1715).]

7 (возвращение)

[Его "Длинный змей", по мнению некоторых, размером с сорокапятипушечный фрегат (Лэйнг).]

8 (возвращение)

[Эта проповедь была напечатана Хирном; она также приводится Лангебеком в его превосходном сборнике, *Rerum Danicarum Scriptores Medii Aeri*. Hafniae. 1772-1834.]

9 (возвращение)

[Кеннет, i. 67; Рапин, i. 119, 121 (из *Саксонской хроники* обоих).]

10 (возвращение)

[Кнут родился в 988 году н.э. по подсчетам Мунка (ii. 126).]

11 (возвращение)

[Снорро, Перевод Лэйнга, ii. стр. 31 и далее, подробно уточнит.]

12 (возвращение)

[Снорро, ii. стр. 24, 25.]

13 (возвращение)

[Снорро, ii. стр. 156-161.]

14 (возвращение)

[Снорро, ii. стр. 252, 253.]

15 (возвращение)

[В *Саксонской хронике* под 1030 годом н.э. прямо говорится: "В этом году король Олаф был убит в Норвегии своим собственным народом и впоследствии был причислен к лику святых".]

16 (возвращение)

[В *Саксонской хронике* говорится: "1035 год. В этом году умер король Кнут.... Он отбыл в Шафтсбери 12 ноября, и оттуда его перевезли в Винчестер и там похоронили".]

17 (возвращение)

[Мунк называет дату 1038 (ii. 840), Адам Бременский - 1040.]

18 (возвращение)

[Цитата Кэмдена, Рэпина и др.]

19 (возвращение)

[*История Бьюкенени*. i. 130.]

20 (возвращение)

[*Для Клавиджеры*, Письмо XIV. Стр. 8-10.]